

Сергей Лысак

КОРТЕС

Огнем и броней

Кортес

Сергей Лысак
Огнем и броней

«АСТ»

2015

Лысак С. В.

Огнем и броней / С. В. Лысак — «АСТ», 2015 — (Кортес)

Информация о том, что в Новом Свете появилась неизвестная сила, нарушившая существовавший здесь веками порядок, сплошным потоком идет в Европу. Странные пришельцы из другого мира не признают над собой ничьей власти и в отношениях со всеми заставляют действовать по установленным им правилам, успешно строя свое государство – Русскую Америку. Любые попытки воспрепятствовать этому, действуя с позиции силы, неизменно плохо заканчиваются. Всей Европе, а в первую очередь Испании, предстоит сделать важный выбор. Признает ли она право пришельцев жить так, как они хотят, или сочтет их бандитами, создавшими бандитское «государство» на территории ее заокеанских колоний, для ликвидации которого все средства хороши? Один вариант из двух возможных, причем цена ошибки огромна. Хрупкий мир пока сохраняется. И тут совершенно неожиданно прошлое экипажа «Тезея» напоминает о себе, ставя вопрос ребром – быть или не быть Русской Америке...

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Содержание

Глава 1. Что такое «песец»	6
Глава 2. Большая кораблестроительная программа и большие шпионские страсти	18
Глава 3. Человек предполагает, а Бог располагает	29
Глава 4. Здравствуй, ИРА!	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Лысак

Кортес. Огнем и броней

© Лысак С., 2015

© ООО «Издательство АСТ» 2015

Глава 1. Что такое «песец»

– Иными словами, ваше величество, в данный момент мы фактически беззащитны на море при столкновении с этими странными пришельцами. Как они разбили эскадру адмирала Холмса, я не видел и могу судить об этом лишь по рассказам моряков из команды фрегата «Феникс» – единственного уцелевшего в этой бойне. Но я видел собственными глазами, как всего три их корабля – два трофейных французских фрегата и один «купец» менее чем за час превратили в развалины форт Руперт в Порт-Ройале. Причем совершенно без какого-либо для себя ущерба. Десант испанцев лишь довершил начатое, ворвавшись в пробитую брешь в обороне города...

Мэттью Каррингтон, едва прибыв в Лондон, сразу же направился с докладом к королю. Причем, в отличие от многих прочих чиновников, Мэттью был принят незамедлительно. Карл Второй, едва ему доложили о странном визитере, даже отложил некоторые дела, так как прекрасно понимал чрезвычайную важность доставленной информации. Причем доставленной человеком, в чьей объективности, неподкупности и умении анализировать ситуацию он был уверен. И вот теперь слушал далеко не радостные вести из-за океана. Единственным плюсом в этом он видел то, что Каррингтон никогда не был замечен в приукрашивании ситуации, выдавая желаемое за действительное. Чем грешили очень многие придворные, стараясь преподнести своему королю не правду, а то, что ему хотелось бы услышать...

– «Купец», говорите? Не тот ли это самый «купец», что уже один раз порезвился в Порт-Ройале прошлым летом? А перед этим расправился с эскадрой наших приватиоров в Пуэрто-Бельо?

– Да, ваше величество, это был он. Трофейный французский флейт, который тринидадские пришельцы захватили в числе первых и назвали «Песец». А после этого сделали из него настоящее чудовище, пожирающее корабли.

– «Песец»? Странное название. Что это такое?

– Насколько мне удалось выяснить, это название полярной лисы на языке пришельцев. Но это слово имеет также и второе значение, подразумевающее крупные и неожиданные неприятности. Пришельцы говорят, что в этом случае «приходит песец». В полном варианте выражение звучит примерно как «Песец приблизился незаметно, хотя был обнаружен на большом расстоянии». Это наиболее дословный перевод с их языка. Почему возникло это выражение и как приход полярной лисы связан с большими неприятностями, я так и не понял.

– Надо же, одним словом высказать целую фразу... А что у них за язык? В Европе нет ничего похожего?

– В Европе нет, ваше величество. По рассказам курляндцев и голландцев он отдаленно напоминает язык московитов, но именно отдаленно. Друг друга пришельцы и московиты сразу вряд ли поймут.

– Очень странно... И откуда же взялась эта напасть... Значит вы подтверждаете, что все, о чем сообщали раньше, действительно имеет место? И огромный железный корабль пришельцев, и их трофей, обладающий невиданной огневой мощью и способный ходить с большой скоростью без парусов независимо от ветра, а также все прочие чудеса?

– Да, ваше величество. Я сам побывал на Тринидаде, видел удивительный по красоте, настоящий цивилизованный город Форт-Росс, построенный пришельцами, разговаривал с ними и увидел то, что они сочли возможным нам показать. Видел их железный корабль, абсолютно не похожий на корабль в нашем понимании, хотя только со стороны. На борт никого из нас не пустили. Видел также их трофейные корабли в деле, когда они быстро и совершенно безнаказанно взломали оборону Порт-Ройала, чем обеспечили успех испанскому десанту. Причем что меня удивило, все трофейные корабли тринидадцев резко отличаются своим видом от

прочих. Кроме «Песца». Между мачтами у каждого находится по две высокие трубы, из которых идет дым. А вот «Песеца», который учинил погром в Порт-Ройале в прошлом году, внешне вообще ничем не отличается от обычного корабля. Во всяком случае, на мой неискушенный взгляд сухопутного человека. Но тем не менее, это не мешает ему быстро ходить без парусов независимо от направления ветра. И в этом есть хороший знак.

– Какой?

– По обрывочным сведениям удалось создать более-менее правдоподобную картину. «Песеца» – самый первый корабль пришельцев, который они переделали по своему вкусу, придав невиданные ранее возможности. И весьма вероятно, что использовали для этих целей детали своего железного корабля, на котором попали в наш мир. Но их запасы ограничены, и все последующие корабли они переделывали с помощью того, что смогли создать сами. Поэтому появление целой эскадры вот таких «оборотней», которые внешне ничем не отличаются от обычного корабля, вряд ли возможно. А то, что тринидадцы строят сами, довольно сильно дымит и днем видно издалека.

– Но идти без парусов этот дым им не мешает?

– Не мешает.

– Да уж, мистер Каррингтон... Если бы я не знал Вас раньше, то считал бы все это выдумками Монка и Модифорда, прикрывающих собственное разгильдяйство, приведшее к таким катастрофическим последствиям... Значит говорите, Порт-Ройал взят? И мы потеряли Ямайку?

– Я со своими двумя людьми вырвался из Порт-Ройала на лодке, когда уже шли бои на улицах. И когда мы скрывались в лесу в ожидании ночи, то видели, как соединенный флот испанцев и тринидадцев вошел в бухту, причем выстрелов уже не было. Это значит, что все форты к этому времени пали. А после этого взять Ямайку можно и голыми руками. Все войска были собраны в Порт-Ройале для защиты города.

– Но как же такое могло произойти?! Разве Вы ничего не знали о готовящемся нападении испанцев?!

– Я был уверен в этом еще тогда, когда мы покидали Тринидад, ваше величество. И сразу же по прибытию в Порт-Ройал доложил его светлости, но увы. Мы предприняли все возможное для обороны, но у нас все равно было очень мало сил для отражения нападения. Ведь все держалось на эскадре адмирала Холмса. Сухопутных войск же было совершенно недостаточно и отбить высадку в любом месте острова мы не могли, так как удалось выяснить – испанцы собрали очень большие силы. Проблема была лишь в том, как доставить их на остров. Сами испанцы никогда бы не решились на эту авантюру, Холмс утопил бы их раньше, чем они добрались до Ямайки. Но вмешался посторонний фактор, с которым мы ничего не могли поделать – тринидадские пришельцы. Они непостижимым образом уничтожили эскадру Холмса. Причем так, что во время ночного боя их даже не смогли обнаружить. И этим открыли дорогу испанцам. А после высадки при таком неравенстве сил взятие острова – дело времени. Если бы пришельцы не разнесли форт Руперт, испанцы могли бы вообще не штурмовать Порт-Ройал, а полностью заблокировать его и ждать, когда у нас кончатся все припасы. А сами тем временем прибрали бы к рукам весь остров.

– Печально, мистер Каррингтон... Ладно, в конце концов, мы потеряли то, что сами забрали четырнадцать лет назад у испанцев. Как пришло, так и ушло. Но не попытаются ли после этого испанцы вообще выдавить нас из Нового Света?

– Они бы и рады были это сделать, ваше величество, но без помощи тринидадцев им это не удастся. Причем в этом есть один очень важный нюанс.

– Какой?

– Тринидадцы и испанцы – вынужденные союзники. В данный момент они оказались полезны друг другу. И произошло это потому, что глава тринидадцев – адмирал Леонардо Кор-

тес – оказался не только успешным флотоводцем, но также очень умным и гибким политиком. Он не стал воевать с испанцами даже после двух попыток расправиться с ним, а приложил все силы к тому, чтобы замаять оба эти инцидента и представить их как необдуманные действия частных лиц. И вице-король Новой Испании сейчас до смерти напуган, так как ничего не может сделать. Любые попытки действовать грубой силой пресекались самым жестким образом. В то же время пришельцы во главе с Кортесом переманили на свою сторону все население Тринидада, завоевали симпатии испанцев в близлежащих городах благодаря резко возросшей выгодной торговле, наладили хорошие отношения и торговлю с французами, голландцами и португальцами, а также фактически прибрали к рукам помимо Тринидада еще и Тобаго. Причем без единого выстрела и при полной поддержке тамошнего населения. Если так пойдет и дальше, то вполне могут подвинуть и самих испанцев на материке. Но пока, похоже, им это не нужно. Они не пытаются откусить больше, чем могут проглотить.

– Очень, очень интересно... В Испании, насколько нам известно, тоже не в восторге от того, что творится в их заокеанских владениях. Но ничего пока сделать не могут. Были горячие головы, призывавшие покарать нечестивых еретиков, но трезвый расчет все же возобладал. Хоть Марианна Австрийская, заправляющая всем в Мадриде, и не блещет умом, но все же при дворе у нее есть умные люди, которые отговорили ее от авантюры вроде карательной экспедиции. По крайней мере до тех пор, пока все не прояснится.

– Осмелюсь заметить, ваше величество, для нас было бы гораздо лучше, если бы Марианна Австрийская не стала прислушиваться к мнению этих людей.

– Что вы хотите этим сказать?

– В данный момент Испания, да и вся Европа, выжидают. Что же будет дальше в Новом Свете? Во всех европейских столицах уже давно известно о тринидадском чуде, но никто пока либо не хочет, либо не может действовать официально. Вся возня вокруг Тринидада – это фактически действия частных лиц. Испанскую колониальную администрацию во главе с вице-королем Новой Испании пришельцы либо запугали, либо купили. И там ничего не хотят делать для решения возникшей проблемы, поскольку самих испанцев, я имею в виду тех, кто проживает в Новом Свете, абсолютно все устраивает. Торговля с Тринидадом дает им огромные прибыли, а придание Якобштадту на Тобаго статуса порто-франко, куда сразу же слетелись французы, голландцы и португальцы, дало возможность создать настоящий рай для испанских купцов. Плюс пришельцы вычистили Карибское море от пиратов и там стало гораздо спокойнее. И сейчас испанцы, французы, голландцы и португальцы всеми силами набиваются к ним в друзья. Пытались сделать это и мы после провалившейся авантюры с Тобаго. Но что странно, пришельцы почему-то выделяют нас среди прочих. Французам они простили попытку грабежа и отпустили с миром всех, кто уцелел. На действия испанцев, покушавшихся на них дважды, вообще закрыли глаза и постарались забыть об этих инцидентах. Но вот в отношении нас почему-то ведут себя совсем по другому. Ведь формально мы не сделали им ничего плохого. Нападение отряда Сирла на Тобаго было представлено как действие частных лиц, к которому Англия не имеет никакого отношения. Тем более Тобаго – это не Тринидад, вотчина пришельцев. Тем не менее, сеньор Кортес сразу заявил, что в сказки о «действиях частных лиц» не верит и ни на миг не сомневается в том, кто является истинным виновником нападения и с чьей подачи действовал Сирл. А потом и вовсе снюхался с испанцами до такой степени, что помог им отбить Ямайку. С теми, кто дважды посылал карателей против него. Создается впечатление, что он имеет к Англии какие-то личные счета.

– Но как такое может быть? Ведь если действительно эти пришельцы провалились сюда из другого мира, как они утверждают, то чем и когда мы могли им насолить?

– Не знаю, ваше величество. Но вся логика их действий говорит о том, что нас они считают гораздо более опасными врагами, чем испанцев и всех прочих.

– Что, в общем-то, не лишено основания... Да уж, сеньор Кортес, если только это его настоящее имя, далеко не дурак... Что вы можете предложить с точки зрения своей службы, мистер Каррингтон? Насколько я понял, сделать этих тринидадских пришельцев нашими союзниками не удастся?

– Я такого не говорил, ваше величество. Я сказал лишь то, что сеньор Кортес очень сердит на нас и поступает соответственно.

– Вот как?! Объясните!

– Охотно, ваше величество. Не знаю, что произошло в Новом Свете после того, как «Алиса» покинула Ямайку, но до этого никакой агрессии против британских владений тринидадские пришельцы не проявляли. Прошлогодний инцидент в Порт-Ройале не в счет. Кортеса просто спровоцировали на нападение, и он в наиболее доступной и понятной форме объяснил всем, кто в доме хозяин. Но после этого не предпринимал против нас никаких недружественных акций. Более того, стал всячески привечать английских купцов на Тобаго. Очень похоже, что ответный ход с нападением на Ямайку является именно ответным ходом на тобагскую авантюру Сирла. Кортес вновь дает нам понять, кто в карибском доме хозяин, только и всего. Одновременно с этим он решает вторую задачу – убеждает испанцев в своей полезности и лояльности. Ведь Ямайка – это такой подарок, перед которым они ни за что не устоят и простят ему даже фактический захват Тринидада. Иными словами, Кортес просто обменял Тринидад на Ямайку. Обмен для испанцев очень выгодный, так как пока Ямайка была наша, она являлась для них источником постоянной головной боли. В то же время Тринидад, пока на нем не появились пришельцы, абсолютно никакой прибыли не давал. Вот сеньор Кортес и провернул своего рода сделку по принципу «возьмите и отстаньте». Все было бы ничего, если бы на этом и закончилось. Поскольку людей у Кортеса немного, то Тринидад и Тобаго ему пока что вполне хватает, дальше он не полезет. Но это пока. Я уверен, что если его не остановить, то по мере притока людей из Европы он начнет экспансию на близлежащие острова, а затем и на материк. Но не раньше, чем обеспечит себе прочный тыл и подавляющее преимущество в силах на выбранных участках.

– Вы уверены в этом?

– Уверен, ваше величество. Я видел их. И разговаривал с ними. Как с самим Кортесом, так и с его людьми. Это хищники, которые умеют терпеливо ждать своего часа. Но когда этот час придет, они его не упустят. И нас и испанцев пока что спасает то, что их очень мало. Но так не будет продолжаться вечно.

– И что вы предлагаете?

– Любыми путями столкнуть этих пришельцев с испанцами. Поскольку с испанцами – уроженцами Нового Света, это сделать практически невозможно, остается сама Испания. Пусть они грызутся друг с другом как можно дольше, тогда сеньору Кортесу будет не до нас. Желательно было бы натравить на него еще и французов с голландцами, но это крайне сложно. Они вряд ли откажутся от тех выгод, что дает им дружба с Тринидадом. Зато в Испании очень многие скрипят зубами и готовы вцепиться в глотку пришельцам. Тем более, не располагая полной информацией и продолжая мыслить прежними категориями. Торговая палата в Севилье, являющаяся узаконенным монополистом в торговле с Новым Светом, несет большие убытки. А ведь фактически именно она определяет всю политику Испании в отношении заокеанских колоний. И если правильно разыграть эту карту, то мы можем обеспечить длительную и тяжелую войну Тринидада с Испанией. В этом случае вице-короли Новой Испании и Перу вряд ли решат отсидеться в стороне, так как их запросто сместят и назначат новых. В итоге Тринидад окажется в кольце врагов. Допускаю, что на первых порах он сумеет нанести крупные поражения испанцам, но запасы пришельцев не бесконечны, и в длительной войне на истощение они проиграют.

– А мы?

– А мы будем спокойно наблюдать со стороны, ни во что не вмешиваясь и постаравшись нейтрализовать французов, голландцев и португальцев, чтобы они не лезли в эту заварушку. И когда дела у сеньора Кортеса станут совсем плохи, предложим свою помощь. Не за спасибо, конечно. И у него просто не останется выбора. Перед этим направить к нему как можно больше наших людей под видом переселенцев. Если кто-то из них сумеет пробиться на более-менее высокие посты, прекрасно. Если нет, тоже неплохо. Мы будем иметь свои глаза и уши на Тринидаде. И еще хочу сказать, ваше величество... Я много думал обо всем этом во время плаванья через Атлантику после того, как мы покинули Ямайку. И пришел к выводу, что подчинить Тринидад британской короне мы не сможем. Это невозможно потому, что пришельцы очень ценят свою свободу. Ценят превыше всего. Они не такие, как мы, или те же испанцы, голландцы и прочие. Они другие. Они настолько отличаются от обычных людей, что я даже не могу подобрать сравнения. Причем отличаются не внешне, отличаются их души. Пообщавшись с ними, я окончательно убедился – они действительно не принадлежат нашему миру. Попытка подчинить их силой приведет к войне на истребление до последнего человека. И все свои тайны они унесут с собой. Но вот сделать их в какой-то степени зависимыми от нас, чтобы хорошие отношения с нами стали им выгодны – это вполне реально. И в таком случае можно рассчитывать на то, что с помощью Тринидада мы сможем укрепиться в Новом Свете, сильно подвинув испанцев, а то и вообще вышвырнув их оттуда. Разумеется, какой-то кусок достанется и Тринидаду. Но американский материк огромен, подчинить его себе целиком мы все равно не сможем. По крайней мере, в ближайшем будущем.

– Очень заманчивый план, мистер Каррингтон... Пожалуй, над этим стоит подумать...

Разговор с королем продолжался довольно долго. Карл Второй осознал, какие колоссальные преимущества можно получить, если переманить тринидадских пришельцев на свою сторону. Пусть даже вот таким, иезуитским способом. Но сделать это далеко не просто. И вот теперь, покинув дворец и направляясь домой в свой загородный особняк, Мэттью в спокойной обстановке анализировал информацию, которую получил от своего монарха...

Испания бурлит. Впервые за много лет нашелся тот, кто реально нанес ощутимый удар по прибылям Торговой палаты. То есть совершил смертный грех, который нельзя простить ни при каких обстоятельствах. И сейчас сеньоры из Торговой палаты исходят праведным гневом, призывая все кары небесные на головы проклятых еретиков. Марианну Австрийскую, являющуюся регентом при малолетнем короле и фактически правящую Испанией, осаждают просьбами «навести порядок» в Новом Свете, но она пока что колеблется. Память о судьбе Непобедимой Армады заставляет быть осмотрительной. И это здесь, фактически у себя дома. Тогда хоть половина кораблей, сильно потрепанных штормами и английскими пушками, сумела кое-как доползти до испанских портов. Здесь же сначала надо преодолеть Атлантику. В общем, советники при дворе, как могли, отговаривали Марианну от опрометчивого шага. Но были среди них и ярые сторонники «восстановления порядка». Вот через них и надо действовать. Каким именно образом – это уже детали. Подключить католическую церковь в Испании – пусть тоже постарается (здесь Мэттью усмехнулся – хоть какая-то польза от святош!). В идеале было бы неплохо заручиться поддержкой в этом вопросе и у самого Римского понтифика – Климента IX. Чтобы, так сказать, благословил добрых католиков испанцев на новый крестовый поход. Но Климент IX не дурак и ни с того ни с сего, под влиянием одних эмоций, такое важное решение не примет. Тем более, до него тоже дошла информация о тринидадских событиях и он не торопится объявлять их происками дьявола, заняв выжидательную позицию. Говорит, что нельзя слепо верить слухам, а надо сначала как следует разобраться. Правда, злые языки утверждают, что понтифик сделал это из практических соображений. Дескать, дьявол творит такие чудеса, а Господь нет?! Как такое может быть?! И если действительно подтвердится, что события на Тринидаде – Чудо Господне, то как же тогда понтифик будет выглядеть в глазах добрых католиков? Если несправедливо признает Чудо «кознями дьявола»? И вся

святая церковь вместе с ним? Зато, если выяснится обратное, всегда можно сказать, что предвидели это, но не торопились объявлять, дабы усыпить бдительность приспешников Сатаны. Но это понтифик, до него высоко и далеко. И не факт, что он вообще захочет принять участие в такой рискованной игре. А если захочет, то как бы не на другой стороне. По большому счету, ему не нужна длительная война Испании с непонятным и сильным врагом и с непредсказуемым результатом. Ведь если Испания потерпит сокрушительное поражение не от единоверцев-французов или даже не от еретиков-англичан, а от каких-то «пособников дьявола», то престижу католической церкви будет нанесен очень сильный удар. Что не может не волновать Климента IX и вполне может сподвигнуть его на какие-то действия, направленные на нейтрализацию этого плана. Зато есть фигуры помельче и поближе, но тоже достаточно влиятельные и гораздо более доступные. Испанская инквизиция, например. В Испании ее позиции очень сильны, и она может убедить Марианну принять нужное решение. Надо лишь умело подтолкнуть всех в нужном направлении...

Но это мероприятия стратегического масштаба, с далеко идущими планами, и их подготовка займет не один месяц. Сейчас бы разобраться с сегодняшними проблемами. После тяжелого перехода через Атлантику «Алиса» зашла в Плимут и простояла там пять дней, прежде чем продолжила свой путь к берегам Темзы. Помимо необходимости пополнения запасов и отдыха команды у Мэттью было здесь еще одно важное дело. В Плимуте жил его старый друг – Джереми Палмер, человек далеко не простой, и то, что в свое время они случайно встретились и подружились, можно было считать провидением Господним. В тот день Мэттью, которому едва исполнилось двенадцать лет, убежал из дому. Он не выдержал постоянных издевательств, направленных на «изгнание беса», и хотел только одного – сбежать куда-нибудь подальше, где его никто не найдет. Действительность, как всегда, оказалась не совсем такой, какой он ее представлял. Едва он оказался в «неблагополучном» районе города, как тут же стал жертвой уличной подростковой шпаны, польстившейся на его богатую одежду. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не вмешательство незнакомца, случайно завернувшего в этот проулок. Видя, что стая уличных шакалов напала на хорошо одетого мальчишку, он тут же без разговоров пустил в ход свою тяжелую трость. Не ожидавшие такого развития событий юные маргиналы бросились врассыпную, оставив на земле четверых, которым «повезло» познакомиться с тростью мистера Палмера, как он представился испуганному Мэттью. Поскольку уже близился вечер, Палмер отвел беглеца к себе домой, чтобы он не влипнул в очередную неприятность, по дороге выслушав его историю. А дослушав горестную исповедь отчаявшегося подростка, только покачал головой и произнес слова, которые двенадцатилетний Мэттью Каррингтон, затюканный речами родителей и священников о христианском смирении и терпении, меньше всего ожидал услышать.

– Не с того ты начал, Мэттью. Я тебя прекрасно понимаю, так как сам побывал в твоём положении. Могу сказать одно – жди, и твоё время придет. Сцепи зубы, молчи и жди. Но никогда ничего не забывай – ни хорошего, ни плохого. И никогда никому ничего не прощай. Запомни, тот, кто забывает и прощает, сполна получает опять...

Встреча оказалась судьбоносной. Затравленный мальчишка, который уже почти дошел до грани, как будто очнулся от окружавшего его кошмара. Слова Джереми Палмера разбудили в нем волю к жизни и сопротивлению. После разговора со своим неожиданным спасителем он вернулся домой на следующий день. Но прежнего двенадцатилетнего мальчишки больше не было. Мэттью Каррингтон, младший из сыновей Энтони Каррингтона, эсквайра, превратился в сидящего в засаде хищного зверя, который умеет ждать. Джереми Палмер, практикующий врач, стал настоящим другом изгою, несмотря на разницу в возрасте почти в пятнадцать лет. Да оно и не удивительно, у Мэттью не было настоящих друзей. Клеймо «ненормального» и «одержимого бесами» прочно прилипло к нему с детства, хоть он и старался не выделяться среди сверстников. С тех пор прошло много лет. Палмер, как оказалось, обладал необычными

способностями, хотя и не афишировал их. И даже более того, смог обучить Мэттью некоторым вещам, которые «нормальные» люди сочли бы за колдовство. В частности, Мэттью научился безошибочно определять, говорят ли ему правду, или нагло врут. Мог чувствовать опасность, исходящую от человека, даже если он разыгрывал из себя искреннего друга. Мог «отвести глаза» и сделать так, что его не заметит целая группа людей. При нападении грабителей мог усилием воли сделать так, что противники просто не успевали реагировать на его движения и неизбежно становились жертвами его шпаги. Научился многому в медицине и фармацевтике, причем хорошо разбирался не только в лекарственных препаратах, но также в ядах и противоядиях. Но поначалу Мэттью главным считал не это. Доктор Палмер, который увидел в подростке родственную душу, научил его многому из арсенала наемного убийцы. Не сразу, конечно, а когда окончательно убедился, что перед ним достойный и способный ученик, который не будет трепать языком и постарается превзойти в мастерстве своего учителя. И семена упали на благодатную почву. Но он никогда не торопился. Он ждал, когда обстоятельства сложатся наиболее благоприятно, и только тогда начинал действовать. Когда быстро и мгновенно, как удар молнии, а когда медленно, давая своим врагам время подумать и осознать, какую невероятную глупость они совершили. О-о-о, теперь он знал, какое это вкусное блюдо – месть! И знал, что это блюдо обязательно надо подавать холодным. Но во всем этом был один очень важный момент, который все время позволял Мэттью выходить победителем из, казалось, безвыходных ситуаций. Никто не знал о его приобретенных способностях. В смысле – никто из живых, кроме Палмера. Но Палмер хранил обет молчания, так как это было и в его интересах. А все остальные, которые вставали поперек дороги Мэттью и становились свидетелями его «колдовства», просто не успевали никому ничего рассказать...

Мерный ход кареты убаюкивал, и Мэттью окунулся в воспоминания, но тут же взял себя в руки. Сейчас нужно сосредоточиться на ближайших проблемах. А самая ближайшая – лейтенант Джеймс Паркер, который находится в его доме на правах дорогого гостя. И с которым Мэттью пока не знал, что делать. Он очень понадеялся на то, что старый друг Джереми сумеет разбудить память офицера, так как сам был свидетелем, что подобные вещи удавались ему неоднократно. К доктору Палмеру привозили людей, потерявших память в результате самых разных причин, и он всегда помогал. Когда это удавалось за час, когда за неделю, но удавалось всегда. И по прибытию в Плимут Мэттью первым делом отправился в гости к старому другу. Пока один, чтобы не привлекать внимания. Показывать всем лейтенанта Паркера он не хотел. И еще больше не хотел, чтобы тот стал болтать о своих приключениях. Но в доме Палмера его ждал неприятный сюрприз – хозяин неожиданно исчез с месяц назад, но куда именно и когда вернется, дворня не знала. Мэттью сразу насторожился и попытался прояснить ситуацию, так как на старину Джереми это было непохоже. Но сколько он ни задавал уточняющих вопросов, в конце концов убедился – слуги действительно ничего не знают. Смотрят за домом в отсутствие хозяина и не более. Жены у Палмера не было, а от своих родственников он держался подальше, так как считал их хуже врагов. Хоть он и не распространялся об этом сам, но Мэттью по своим каналам давно выяснил, что на это были очень веские основания. И вот теперь ломал голову – куда же, спрашивается, подевался этот неугомонный старый черт? То, что Джереми Палмер хоть и находился уже в достаточно почтенном возрасте, но это абсолютно не убавило его прыти и он запросто мог ввязаться в какую-нибудь авантюру, Каррингтон знал. Но в таком случае он бы обязательно оставил для него записку в тайнике. Сейчас же тайник оказался пуст. А это значит, что либо Джереми собирался в страшной спешке и ему было не до писанины, либо он вообще не собирался никуда уезжать надолго и с ним что-то случилось. В любое другое время Мэттью задержался бы в Плимуте и постарался выяснить, в чем дело, но сейчас обстоятельства не позволяли. И скрепя сердце, был вынужден вернуться на «Алису». Тот шанс, на который он так понадеялся, оказался упущен. А второго такого кудесника, знатока человеческих душ, Мэттью не знал. Не к святошам же, в самом деле, за помощью обращаться? Они

знатоки душ еще те... И теперь у него есть лейтенант Паркер с очень важной информацией в голове, но он совершенно не представляет, как эту информацию оттуда извлечь. А в том, что эта информация есть, Мэттью не сомневался. Когда-то Джереми, закончив работу с одним из пациентов, потерявшим память, сказал ему, что может заставить человека забыть некоторые вещи. Но точно также может заставить вспомнить. И глаза у него тогда были... Мэттью аж передернуло от воспоминаний. Совсем как у Матильды, ведьмы-полукровки на Тринидаде... А то, что она ведьма, Мэттью понял сразу, едва их взгляды встретились. Неудивительно, что они с главарем пришельцев – Леонардо Кортесом – нашли друг друга. Ведьма и пришелец из другого мира, обладающий уникальными знаниями. Убойное сочетание. И то, что она поработала с лейтенантом Паркером, заставив его забыть ряд очень важных вещей, ясно для него, как божий день. Но не будешь же кричать об этом всем встречным, только обвинения в колдовстве ему не хватало. Хоть тут и не Испания с проклятыми фанатиками-папистами и ее святой инквизицией (интересно, что в ней святого?!), но нарваться на неприятности по этому поводу можно и в старой доброй Англии. Здесь позиции церкви не так сильны, но религиозных фанатиков тоже хватает. Спрашивается, что делать? Ответ – искать ведьму. Но настоящую ведьму. Таковую же, как полукровка Матильда, а не ложно обвиненную в колдовстве по доносу завистливых соседей женщину. Проблема в том, где ее найти. Настоящая ведьма свои способности не афиширует и в случае чего предпримет радикальные меры для своей защиты... Тут Мэттью злорадно усмехнулся. Если бы его мысли слышали священники или кто еще, то сомнений в том, что мистер Каррингтон продал душу дьяволу, у них бы не возникло. Благодаря планомерной и последовательной работе служителей церкви, проводимой с ним в детстве и отрочестве и направленной на «изгнание бесов», у Мэттью выработалась стойкая неприязнь ко всем, кто вещал от имени Господа. И он критически относился ко всем церковным догматам, хотя веру в самого Господа и не отрицал. Просто считал, что «слуги божьи» занимаются исключительно собственной наживой и обеспечением личной власти, но уж никак не являются посредниками между Всевышним и людьми, нагло присвоив себе это право. А раз так происходит, то значит Всевышнему на это наплевать. В таком случае, Мэттью Каррингтон тоже имеет полное право наплевать на священников и действовать по своему усмотрению. В том числе и по отношению к ведьмам. Впрочем, здесь его позиция не очень расходилась с официальной линией церкви. Парадоксальность законодательства большинства стран Европы была в том, что быть ведьмой не запрещалось. Преследовались лишь несправедливые деяния ведьм. Чем и воспользовался Иоганн Кеплер на судебном процессе своей матери, против которой были выдвинуты обвинения в колдовстве. Но Кеплеру очень повезло, обычно доказать отсутствие злого умысла было практически невозможно. Поэтому Мэттью вполне допускал за ведьмами право на существование и не видел в их любых деяниях ничего плохого. Разумеется в том случае, если это было в его интересах. А кому они там поклонялись на самом деле – Господу или Сатане, его нисколько не волновало. Творчески подходя к религии, он считал, что раз Господь допускает подобные вещи, то значит, это ему вполне угодно. А если так, то зачем копыа ломать?

Но проблема была в том, что на примете пока что никого нет. Он знал одну настоящую ведьму и встречался с ней много лет назад. Но она уже была в преклонном возрасте и жива ли сейчас, не известно. Хотя, тогда они неплохо поработали вместе к обоюдной выгоде. Правда, назвать их дела праведными было трудновато. Ну и ничего! Как говорится, Господь простит. А может вообще не заметит. А может и заметит, но только посмеется...

Карета въехала во двор особняка, но Мэттью так еще и не решил, что же делать с Паркером. Выпускать такой козырь из своих рук не хотелось. Хоть он уже и вытянул умело поставленным разговором все, что помнил лейтенант, но все же не терял надежды на то, что удастся узнать больше. Но когда?! А отпускать такой ценный источник информации тоже нельзя. За секретами пришельцев сейчас гоняются очень многие, причем не только французы, испанцы и прочие. Здесь, в Англии, любителей чужих секретов тоже хватает. И если только они узнают о

Паркере, то долго он не проживет на этом свете. Никто просто не поверит, что, прожив более полугода среди пришельцев, он практически ничего не узнал. Значит, остается одно – держать Паркера при себе и всячески оберегать. А если это станет невозможно – тихо ликвидировать. Мэттью Каррингтон знает в данный момент даже больше, чем помнит лейтенант Паркер. И этого вполне достаточно. Именно поэтому в разговоре с королем он и попросил сохранить пока что в тайне наличие в Лондоне человека, прожившего на Тринидаде столько времени. Для его же безопасности. Если его величество захочет, то всегда может встретиться с этим человеком, не афишируя его имя и место, откуда он прибыл. Подумав, король согласился. В конце концов, всю доступную и наиболее важную информацию он уже получил от Мэттью. А организовать тайную встречу с очевидцем тринидадских событий можно и позже, не привлекая к ней внимания.

Успокоившись на данной мысли, Мэттью вышел из кареты и кивнул дворецкому, встречавшему хозяина у парадного подъезда.

– Никаких новостей, Чарльз?

– Никаких, сэр. Только ваш гость буянит и требует, чтобы его срочно доставили в Адмиралтейство. Насилу успокоили, но это вряд ли надолго.

– Ничего, побуянит и перестанет. Распорядитесь насчет ужина, а я пока с нашим гостем поговорю.

Каррингтон вошел в дом и тут же столкнулся с лейтенантом Паркером, находившимся явно в перевозбужденном состоянии. Поздоровавшись и пригласив его в свой кабинет, спросил, как проходит отдых. И тут же нарвался на длинную тираду об офицерской чести, воинском долге, необходимости бить врагов Англии, а не прохлаждаться в предместьях Лондона и много что еще. Когда лейтенант выдохся и сделал паузу, Мэттью вежливо поинтересовался.

– Мистер Паркер, а я что по вашему делаю?

Паркер, уже готовый продолжить монолог, от такого вопроса запнулся, и Мэттью перехватил инициативу в разговоре.

– Поверьте, мой друг. То, что делаю я, не менее важно для Англии, чем крейсирование эскадры где-нибудь у берегов Нового Света. И благодарите Бога за то, что вы сейчас находитесь здесь. Потому, что если бы не цепь случайностей, вы бы давно лежали на дне Карибского моря. Вы уцелели при взрыве своего корабля, что уже можно считать почти чудом. Тринидадцы вы ловили вас из воды, хотя вполне могли этого не делать. А после этого обращались с вами по человечески так долго, благодаря чему вы сейчас стоите передо мной и высказываете свое недовольство. Представьте на миг, что вы попали в плен к испанцам после того, как напали на испанский корабль. Причем напали превосходящими силами с целью его уничтожить. А после этого я, используя нужные связи, за выкуп, или еще как, но все же выпарапал вас у испанцев и доставил в Англию. Вы бы и после этого высказывали мне претензии?

– Простите, сэр. Но я правда не могу...

– Можете, лейтенант! У каждого своя война. И сейчас вы тоже находитесь на войне. Да, да, вы не ослышались! Война не только там, где стреляют пушки. Она может быть очень тихой, но от этого не менее опасной. И в отличие от войны со стрельбой пушек, которая рано, или поздно заканчивается, тихая война не заканчивается никогда. Вы умный человек, лейтенант. И вы давно поняли, что я не просто так штаны просиживал в губернаторской резиденции в Порт-Ройале. В любом другом случае наше знакомство не состоялось бы. Но раз уж так вышло, что вы оказались причастны к величайшему событию современности, то теперь игра идет по правилам «пока смерть не разлучит нас». Надеюсь, это вы понимаете?

– Понимаю, сэр. Но в то же время я не могу отсиживаться в тылу, когда гибнут мои товарищи!

– На этот счет можете быть спокойны, никто сейчас не гибнет. Те, которым суждено было погибнуть, уже погибли. А кому суждено выжить – по-прежнему живут и здравствуют.

Поэтому находитесь ли вы здесь, в моем доме, или на палубе корабля, это все равно ничего не изменит.

– Но как?! Ведь испанцы напали на нас!!!

– Нельзя быть таким наивным, лейтенант. То, что творится в Новом Свете, совсем не означает, что Англия и Испания находятся в состоянии войны. Там тоже война не прекращается ни на минуту, хотя в Европе может царить мир. Это большая политика. Четырнадцать лет назад мы захватили Ямайку у испанцев. Сейчас они вернули назад свою собственность. Только и всего.

– А Тринидад?! Такое вероломство! Честное слово, я был об этом сеньоре Кортесе лучшего мнения!

– Не вероломство, а политическая выгода. Сеньор Кортес совершил очень выгодный для себя обмен – обменял у испанцев Тринидад на Ямайку. И этим поступком убедил их в своей полезности и лояльности. Привыкайте мыслить другими категориями, Джеймс, раз уж нам предстоит работать вместе.

– Ладно... Простите, сэр, это эмоции... Но дальше-то что? Я сижу здесь в неведении уже три дня, хотя мои сведения имеют огромную ценность и их нужно срочно сообщить в Адмиралтейство!

– Забудьте про Адмиралтейство, Джеймс. Все, что надо, им уже сообщили, и ваш рассказ от первого лица вряд ли добавит что-то значимое. А теперь главное – вам предстоит встреча с его величеством. Расскажите все, как было. Причем только конкретные факты, без эмоций и фантазий. Не надо выдавать желаемое за действительное, его величество это очень не любит. И тогда уже окончательно решим, что вам делать дальше. Где и в качестве кого вы сможете принести наибольшую пользу Англии...

Сообщив главную новость, Мэттью перевел разговор на другие темы и больше не касался серьезных вопросов. Да и Паркер, похоже, прочувствовал ситуацию и больше не надоедал своими требованиями. Как бы то ни было, вечер прошел спокойно, и на следующее утро Каррингтон решил заняться накопившейся текучкой, поскольку король предупредил его, что ближайшие два дня он будет очень занят, и мистер Каррингтон может употребить это время по своему усмотрению. Перебирая бумаги, он с головой ушел в это занятие, когда неожиданно его побеспокоил слуга.

– Сэр, прошу прощения, но к вам какой-то посетитель. Настаивает на аудиенции.

– Вот как? Даже настаивает? Кто он такой?

– Назвался Джоном Смитом, купцом из Чатэма. Внешне соответствует, не бродяга какой-нибудь. Говорит, что у него есть предложение, которое несомненно вас заинтересует.

– Интересно... Ну давай, зови этого Смита. Посмотрим, что он за купец.

Слуга вышел и вскоре вернулся с человеком, одетым в неброскую, но добротную одежду, без намека на выпячивание роскоши. Мэттью был готов поклясться, что никогда его не видел, но едва они встретились взглядом... Он тут же отпустил слугу и, едва тот закрыл дверь, встал из-за стола и улыбнулся.

– Вот бы никогда не подумал, что старый лис пожалует ко мне в таком обличье! Здравствуй, Джереми! И что это за маскарад?

– От молодого лиса слышу! Здравствуй, Мэттью! Сколько лет, сколько зим!

Старые друзья обнялись, и «купец Джон Смит» сразу перешел к делу.

– Мэттью, у меня мало времени. Маскарад – дело несложное, если знаешь, как это делать. Мне пришлось залечь на дно, так как вокруг началась нехорошая возня, и я так и не смог выяснить, кто за этим стоит. С месяц назад в моем доме появился какой-то тип и завел странный разговор, предлагая принять участие в деле по ту сторону Канала. Ничего конкретного не говорил, но мне он сразу не понравился. Ты ведь знаешь, я разбираюсь в людях. И по всему выходило, что для меня это была бы дорога в один конец, хоть он и обещал сказочные барыши.

Видно, где-то я все же наследил, вот на меня и вышли с таким предложением. И нутром чувствую, грядут серьезные события. Поэтому решил на время уйти в тень. Знаю, что ты приходил ко мне домой, вот и решил тебя навестить и предупредить. Подозреваю, что о тебе тоже знают. И мне это очень не нравится.

– Но все же, что это может быть?

– Понятия не имею. Я сразу же оборвал все концы, и меня они больше не нашли. Пока, во всяком случае. И хочу дать совет. Если обратятся к тебе – лучше исчезни на какое-то время. Ничем хорошим это не кончится.

– Спасибо, дружище! Последую твоему совету. А у меня, кстати, к тебе дело.

– Какое?

– У меня сейчас гостит человек, частично потерявший память. И мне очень нужно, чтобы он все вспомнил. Кроме тебя я других посвященных не знаю.

– А что за человек? Я его знаю? И почему он потерял память? Его по голове не били?

– Нет, не били и ты его не знаешь. Он тебя тоже. А почему потерял память... Подозреваю, что с ним поработал тот, чья сила не уступает твоей.

– Вот даже как?! Мэттью, ты меня удивляешь. Куда ты влез?

– Долго рассказывать. Тем более, если ты сможешь войти в его память, то и сам все узнаешь.

– Заинтриговал... Ладно, помогу по старой дружбе. Самому интересно...

От неожиданного решения проблемы у Мэттью поднялось настроение. Вызвав Паркера, он предложил ему лечь на диван в гостиной, закрыть глаза и ничему не удивляться. Паркер, сбитый с толку но уже привыкший, что мистер Каррингтон просто так никогда ничего не делает, нехотя подчинился. Когда пациент был готов, в комнату вошел Джереми Палмер и быстро погрузил лейтенанта в транс, а затем сел на стул рядом и долго держал руки возле его головы. Мэттью наблюдал с огромным интересом. Пока все было, как и раньше. Во всяком случае, по внешнему виду Джереми было непохоже, что он столкнулся с непреодолимыми трудностями. Прошло уже больше часа, когда наконец Джереми встал и подал голос. Но его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Я закончил, Мэттью. Вскоре он очнется и расскажет тебе все. Не так много, кстати, он-то и забыл, но реальная картина при этом искажается порядочно. И еще... Зря ты ввязался во все это. То, что я узнал, сродни настоящему чуду. Значит, это правда? То, что творится на Тринидаде?

– Правда, Джереми.

– Тогда ты просто дурак. Извини за прямоту. Эти люди сомнут всех, кто встанет у них на пути. Неужели, ты собираешься переиграть их?

– Я пока еще не решил.

– Хоть мне-то можешь не врать? Все ты давно решил. По-дружески предупреждаю – не лезь в это дело. Оно плохо кончится, попомни мои слова.

– Раз ты все узнал, Джереми, то понимаешь, что не все зависит от меня.

– Ошибаешься, от тебя многое зависит, Мэттью! Как именно ты преподнесешь то, что от тебя хотят услышать, так и будет. Хоть это и звучит напыщенно, но похоже, сейчас в твоих руках находится будущее Англии. Не ошибись в выборе.

– Так что же, отдать им все на откуп? Отказаться от наших планов в освоении Нового Света?

– А договориться по-хорошему с ними не хотите? Точно так же, как это сделали они с испанцами, французами, голландцами и португальцами? Да, наш флот силен и армия тоже. Но неужели никому из вас не приходит в голову, что может найтись кто-то сильнее? Причем гораздо сильнее? Сильнее испанцев, французов, голландцев и португальцев вместе взятых? И если только мы влезем в эту авантюру, то можем потерять всё?

- А что бы ты сам предложил в этом случае?
- Не будите спящего льва. Это все, что я могу предложить. Иначе к нам тоже «придет песец»....

Глава 2. Большая кораблестроительная программа и большие шпионские страсти

Леонид сидел за столом в рабочем кабинете на втором этаже своей шикарной асьенды и внимательно изучал материалы по проекту нового корабля, которые ему принес накануне главный корабел верфи Форт-Росса сеньор Бернардо Кампос. Правда, новыми они были только для Кампоса, а Леонид с чувством ностальгии смотрел на корабль своей юности – последний из винджамеров, барк «Падуя», получивший впоследствии имя «Крузенштерн»...

Идея открытия грузопассажирской трансатлантической линии возникла давно, но пока в Карибском море сохранялся очаг напряженности под названием Порт-Ройал на Ямайке, было просто не до глобальных проектов. Задача стояла гораздо приземленнее – выжить и утвердиться в этом мире. Теперь Порт-Ройала больше нет. Есть Пуэрто-дель-Рей, над фортами которого развеваются испанские флаги. И сама Ямайка возвращена под власть испанской короны. На Тортуге тоже стало тихо. Месье Бертран Д'Ожерон все таки внял голосу разума и ликвидировал пиратское гнездо у себя на Тортуге. Проведенная демонстрация силы оказала нужное действие. Сами пираты, разумеется, никуда не исчезли и просто перебрались по большей части в Сен-Доменг, так как власть французской короны была там чисто номинальная. Реально контролировать французскую территорию на Эспаньоле губернатор Тортуги не мог. Но по крайней мере он прекратил выдачу каперских свидетельств и скупку награбленного на Тортуге, что сразу же сделало дальнейшее пребывание пиратов на острове бессмысленным. И теперь те, кто все же рисковал выходить в Карибское море на свой разбойничий промысел, лишились даже этого фигового листа «законности» своих действий. Разумеется, при проведении операции по уничтожению пиратской флотилии на рейде Бастера удалось уничтожить далеко не все корабли, так как многие находились в этот момент «на промысле». Но испанцы переняли у пришельцев с Тринидада хорошо зарекомендовавшую себя тактику судов-ловушек, когда очень «упитанный» и соблазнительный с виду «купец», на который польстились джентльмены удачи, неожиданно сбрасывал овечью шкуру – и охотник сразу же превращался в дичь. Пленных не брали после ряда инцидентов, когда пиратские посудины сначала спускали флаг, якобы сдаваясь, а потом пытались взять на abordаж испанские корабли. Один раз им это удалось. В остальных случаях испанцы вышли победителями, хоть и понесли при этом большие потери. После этого был отдан приказ – пленных не брать и не гоняться за трофеями. И теперь у пиратов при встрече с таким испанским «купцом» был только один путь – на дно морское. Пытались испанцы навести порядок и на островах, ликвидировав разбойничьи селения на берегу. Если на Невисе и ряде мелких островов это удалось, то в Сен-Доменге на Эспаньоле их постигла неудача. Пираты не принимали боя и уходили в джунгли Эспаньолы. Благо, остров был достаточно велик и скрыться в зарослях особой трудности не представляло. А поскольку вопрос поимки на суше любителей морского разбоя не стоял очень остро, то испанцы особо и не напрягались, справедливо полагая, что рано или поздно их подопечные оттуда вылезут. А если не вылезут, сгинув в тропических джунглях, туда им и дорога. И вот теперь, когда в Карибском море стало относительно спокойно, решили вернуться к ранее разработанным планам.

Для поддержания регулярной грузопассажирской линии Форт-Росс – Европа и обеспечения того, чтобы она была прибыльной, требовались корабли совершенно других типов. Не тех, что сейчас в большом количестве пересекали Атлантику. Грузовые флейты водоизмещением в пятьсот – шестьсот тонн не возьмут много груза и пассажиров. Даже значительно более крупные галеоны не могли удовлетворить потребности молодого государства, чуть более полутора года назад неожиданно возникшего в Новом Свете. Требовалось что-то гораздо более крупное,

чем флейт, и гораздо более надежное и быстроходное, чем галеон. Пока остро стоял вопрос с получением металла нужного качества и в нужных количествах, проблема была практически нерешаема, так как создание цельнодеревянных корпусов кораблей имеет свои пределы, выше которых уже не прыгнуть. Но с появлением проката нужного качества решили попробовать начать строительство кораблей с композитными корпусами – металлическим набором и деревянной обшивкой. Для начала опробовать новую технологию при постройке небольших пятисоттонных грузовых шхун, предназначенных для рейсов между портами американского побережья. Если все получится, как и задумано, приступить к постройке серии крупных парусно-винтовых грузовых кораблей. Ну а пока суть да дело, Бернардо Кампос поработал над проектом такого корабля. Чтобы не заниматься изобретением велосипеда, взяли за основу хорошо зарекомендовавший себя барк «Крузенштерн». Последний из винджамеров, «выжимателей ветра», как их называли в свое время. С той только разницей, что «Крузенштерн» был целиком построен из стали и даже рангоут имел металлический, а когда еще назывался «Падуя» и ходил под немецким флагом, то не имел машин, так как изначально строился как чистый парусник. Такой подход для создания собственной независимой трансатлантической линии был неприемлем. Все признавали, что в данной ситуации машина жизненно необходима, и проект был основательно переработан. Корпус барка решили оставить без изменений обводов и главных размерений, но поскольку получение металла хорошего качества в больших количествах было все еще проблематичным, то остановились на композитном корпусе – металлический набор и деревянная обшивка из прочных и долговечных сортов дерева, обшитых медными листами в подводной части. Рангоут выполнить деревянным, уменьшив высоту мачт, убрав с них бом-брам-рей и верхний брам-рей, оставив таким образом на фоки грот-мачтах по четыре прямых паруса вместо шести. Конечно, это приведет к некоторой потере скорости под парусами при слабых и умеренных ветрах, но зато значительно снизит нагрузку на рангоут и уменьшит требуемое число экипажа, что для дальних переходов немаловажно. И самое главное – обязательная установка двух паровых машин, работающих на два винта, и двух групп паровых котлов. Сейчас на первое место выходили надежность и безопасность, а не экономичность. Тем более, работать машины будут не в течение всего рейса, а только при проходе узкостей вроде Зунда, при заходе в порт и выходе из порта, маневрировании в портах, а также в особых случаях. При появлении пиратов или кораблей противника, например. В этом случае барк, либо запустив машины в помощь парусам, либо развернувшись против ветра, спокойно уйдет от любой погони. А если учесть, что «Падуя» в годы своей молодости, пока еще не стал «Крузенштерном», брал на борт до четырех тысяч тонн груза, имея полное водоизмещение шесть тысяч четыреста тонн, то выгоды от создания таких кораблей очевидны. Пусть их будет поначалу и немного, но с какой-то частью задачи по снабжению молодой Русской Америки всем необходимым из Европы они справятся. А заодно покажут свой флаг в европейских водах и напомнят всем, что слухи о слабости пришельцев, связанные с их малочисленностью, сильно преувеличены. Куда именно ходить, вопросов тоже не возникло. Голландия была готова к приему кораблей под тринидадским флагом, о чем официально сообщил голландский посол Юрген ван Оорд, прибывший в Форт-Росс для установления дипломатических и торговых отношений. Ждали пришельцев также и в Курляндии, герцог курляндский Якоб Кетлер сразу сообразил, какой уникальный шанс дает ему судьба. Зазывали к себе в гости французы и португальцы, но с ними пока решили повременить. Неизвестно, как там встретят. И конечно, на очереди был Архангельск. Единственный порт в европейской части России. Время Петра Великого еще не пришло. Дело оставалось за малым – созданием своего собственного флота, предназначенного для трансатлантических переходов. Но ходить в Европу надо так, чтобы это было не только безопасно, но и выгодно. И крупные прочные барки, «выжиматели ветра», построенные в двадцатых годах XX века, как нельзя лучше подходили для этих целей в XVII веке, когда топливная база в европейских портах отсутствует как таковая. А для прохо-

дов узкостей и маневров в портах парусно-паровому кораблю вполне хватит того запаса жидкого топлива, которое он возьмет в начале рейса при выходе из Форт-Росса. Как исключение, можно предусмотреть возможность питания паровых котлов дровами, но это уже если вообще припрет. Не забыть также и о вооружении. Поскольку это грузовой корабль и он не предназначен для боя с противником, то четыре – шесть казнозарядных двенадцатифунтовок ему вполне хватит, чтобы отвадить любителей чужого добра. Плюс пулеметы МГ-69 и карабины «Меркель» у экипажа для предотвращения различных эксцессов в портах. А чтобы обеспечить безопасность своего торгового флота в европейских водах, где любителей поживиться чужим добром не меньше, чем в Карибском море, держать там эскадру из четырех – пяти быстроходных броненосных крейсеров, построенных по такой же концепции, только с полным отказом от парусов и на базе проекта быстроходного клипера, несколько увеличенного в размерах. Для снабжения топливом держать при эскадре быстроходный танкер, сделанный на основе того же барка. И вообще, надо создавать свою военно-морскую базу в тех краях со всей соответствующей инфраструктурой. Чтобы и к Европе поближе была, но в то же время и нападения многочисленной сухопутной армии противника можно было не опасаться. А то устроят, понимаешь, очередной крестовый поход против приспешников дьявола. Никакого запаса снарядов и патронов не хватит. Идеальные места – острова, не слишком удаленные от материка. Например – Канары, Азорские острова, Мадейра, Уэссан. Хоть они и принадлежат пока что испанцам, португальцам и французам, ну и что? Все течет, все меняется. К тому же Русской Америке не нужен весь архипелаг Канарских или Азорских островов. И одного острова хватит. Того, что покрупнее и получше...

Леонид понял, что «и тут Остапа понесло». Какие в чертям собачьим военно-морские базы под боком у Европы?! Какой мощный торговый флот из парусно-винтовых барков, прикрываемый эскадрой броненосных крейсеров?! Сейчас бы поскорее доделать то, что начали, дабы гарантированно обезопасить Тринидад от нападения с моря. «Ягуар» и «Кугуар» хоть и показали себя прекрасно в бою с английской эскадрой и при бомбардировке фортов Порт-Ройала, но все же остаются деревянными парусно-винтовыми фрегатами со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами, хоть и с несколько улучшенной по сравнению с хроно-аборигенами артиллерией. Пока получалось бить врага по частям, укрываясь в ночной темноте, все было хорошо. Но обстоятельства могут сложиться так, что придется принимать дневной бой со значительно превосходящими силами противника и на небольшой дистанции, когда потерь и повреждений избежать будет практически невозможно. А у Русской Америки каждый корабль и каждый человек на счету. И она не может позволить себе такой роскоши, как некоторые «гениальные» полководцы-победители Второй мировой войны, воюющие не умением, а числом. «Волк» хорош в своей ипостаси, как быстроходный «вертолетоносец», но для других целей он мало пригоден. «Песец» – хороший рейдер-одиночка, внешне практически ничем не отличающийся от обычного парусного «купца», но также не предназначен для эскадренного боя с превосходящими силами. «Аврора» – быстроходный разведчик, и этим все сказано. «Тезей» и «Беркут» без крайней нужды трогать нельзя. Ресурс их механизмов не вечен. А больше в составе флота Русской Америки ничего и нет, если не считать многочисленную группу разномастных грузовых парусников, регулярно курсирующих между Форт-Россом на Тринидаде и Якобштадтом на Тобаго. Дальше посылать свои корабли Леонид не рисковал, дабы не вводить в искушение окружающих соседей. А то неизвестно, какая дурь взбретет в голову губернатору какого-нибудь заштатного испанского Мухосранска на материке, если туда зайдет грузовой корабль под Андреевским флагом. Может и попытаться завладеть секретами пришельцев, понадеявшись на то, что никто ничего не узнает. В то, что на парусных грузовых кораблях, принадлежащих Русской Америке, никаких секретов нет и служат там одни испанцы из местных, не допущенные ни к какой по-настоящему секретной информации, никто не поверит. В итоге – разборки с испанцами, которых всеми силами обе стороны пытаются избежать.

И один много возомнивший о себе идиот может пустить псу под хвост все то, чего с таким трудом удалось добиться. Поэтому пусть пока испанцы сами в Форт Росс приходят и что надо привозят, а дальше будет видно. Как говорится, в этом плане все хорошо и стороны довольны друг другом. Но... Леонид предчувствовал, что грядет очередной визит Большого Пушистого Полярного Лиса...

А коли так, то для достойной встречи незваных гостей следует иметь что-то более основательное, чем модернизированные французские трофеи. Это «что-то» гордо возвышалось на стапелях верфи Форт-Росса и вскоре должно было быть готово к спуску на воду. Два быстроходных крейсера «Варяг» и «Аскольд», строившихся по проекту клипера «Фермопилы», и броненосец «Синоп», основой для создания которого послужил герой синопского сражения, 130-пушечный линейный корабль российского Черноморского флота «Париж». Конечно, корабли строились из дерева, и в проекты были внесены существенные изменения (особенно это касалось «Синопа»), чтобы максимально подтянуть их к возможности использования паровых машин и казнозарядной артиллерии, поскольку строительство полностью металлических кораблей по более поздним проектам конца XIX и начала XX века было пришельцам из будущего пока не под силу. Самой заметной отличительной чертой, поначалу смутившей всех корабелов верфи, был полный отказ от парусов. На новых кораблях они не предусматривались вообще. Согласно разработанной доктрине войны на море, «Варяг» и «Аскольд», ведя дальнюю разведку в зоне пассата, откуда и надо ждать незваных гостей, должны заранее их обнаружить и не выпускать из виду, не вступая в бой. Следовать за пределами дальности стрельбы противника и ждать, пока на помощь не подойдет менее быстроходный, но имеющий гораздо более мощную артиллерию и полностью закованный в броню «Синоп». Который как раз и предназначен для перемалывания вражеского флота, ничуть не опасаясь его ответного огня. Испанские металлурги, работающие на Тринидаде и узнавшие от пришельцев ряд очень важных подсказок из будущего, наконец-то получили качественные стали, из которых можно было делать конструкции набора корпуса кораблей, детали машин, стволы орудий и броневые плиты. Хотя и в небольшом количестве, но получили. А раз начало положено, то и надо использовать эти небольшие объемы производства качественного металла с максимальной пользой. Тем более, в ходе работ в проекты пришлось вносить некоторые изменения. Иоганн Меркель все же довел до ума свое самое могучее творение – казнозарядное 203-миллиметровое нарезное орудие. И даже воплотил его в металле, хоть пока и в единственном экземпляре. Орудие еще проходило испытания на полигоне, но результаты были очень и очень обнадеживающими. Можно сказать, что создание артсистемы с характеристиками, близкими ко второй половине XIX века, мастеру-оружейнику удалось. Единственный, но весьма существенный минус, который получился при этом – значительно больший по сравнению с первоначальным проектом вес орудия. Иначе не получалось, чтобы гарантировать безопасность ствола от разрыва при выстреле полным зарядом. Но увы, такие пушки не вписывались в запланированное количество на «Синоп». Скрепя сердце, Леонид решил уменьшить вдвое количество орудий главного калибра, то есть сохранить линейно возвышенную схему башен, но сделать их одноорудийными. Сначала он хотел вернуться к «классике жанра» конца XIX века и строить «Синоп» как эскадренный броненосец с двумя двухорудийными башнями – одна в носу, одна в корме. Но «морские дьяволы» и артиллеристы «Тезея» отговорили его. Двухорудийная башня гораздо сложнее, что немаловажно в условиях местной «промышленности». И у «Синопа» долго не будет достойных целей на море, по которым надо давать залп всем главным калибром. Зачастую можно будет ограничиться одним выстрелом с малой дистанции. Высвободившийся вес использовать на увеличение боезапаса и установку орудий среднего калибра, от которых вначале хотели отказаться вообще. Так как если из Европы пожалует очередная Непобедимая Армада, то там целей должно быть очень много. И причем самых разномастных. Не тратить же на всякую мелочь восьмидюймовые снаряды. 120-миллиметровки, разра-

батываемые для «Варяга» и «Аскольда», вполне могут быть установлены и на «Синопе». Против местной деревянной мелочи – самое то, что надо. Что же касается 203-миллиметровок главного калибра... А ну, как не только очередная Непобедимая Армада пожалует? Вдруг у местных сеньоров дурь в голову ударит? И они напрочь «забудут», кому обязаны, начав вести себя неадекватно? Как говорится, что стоит услуга, которая уже оказана? Вот и придется снова нанести визит в Пуэрто-дель-Рей. Если этого окажется недостаточно, то в Веракрус, Картагену, Гавану... Может, и еще куда-нибудь. И там 203-миллиметровые снаряды, начиненные пироксилином, станут очень хорошим лекарством от «забывчивости» и быстро помогут в возвращении памяти. А то, что у корабля нового типа всего четыре орудия главного калибра, а не восемь, в данный исторический период никакой роли не играет. Современные береговые форты в Новом Свете не рассчитаны на обстрел такими «чемоданами»...

Неожиданный стук в дверь отвлек от размышлений, и в кабинет заглянул Карпов, командующий сухопутными войсками Русской Америки, а также глава всех ее спецслужб, вместе взятых.

– Не помешаю, мой каудильо? Что ты тут опять творишь?

– Заходи, заходи, герр Мюллер. Вот, гляжу на проект барка, что Кампос принес, и думы думаю. Надо обзаводиться своим торговым флотом и налаживать трансатлантические перевозки, чтобы от французов и голландцев не зависеть.

– Так в чем проблема? Давай обзаводиться. Люди есть, материалы есть, деньги есть, своя верфь тоже есть. Что тебе еще надо?

– Ситуация меня настораживает, Михалыч. Уж слишком все хорошо идет.

– Чуйка что-то говорит?

– Да. Понимаешь, не может Испания никак не отреагировать на то, что мы тут творим. Ведь мы покусились на самое святое испанских грандов – на их прибыли. Агенты Рамона Кабреры, нашего министра внешней торговли, сообщают, что в Гаване, Веракрусе, Картагене и Пуэрто-Бельо скопилось огромное количество товаров, доставленных из Испании, которые никто не хочет брать втридорога, как привыкла Торговая палата. Своим созданием порто-франко на Тобаго мы обломали сеньорам из Севильи всю торговлю. Все местные испанские купцы пасутся либо у нас, либо на Тобаго и покупают европейские товары, что доставляют французы и голландцы, по гораздо более низким ценам. И этим довольны абсолютно все – и местные испанцы, и голландцы, и французы. Кроме сеньоров из Севильи. Если смотреть с точки зрения испанских законов, то мы фактически узаконили контрабанду. И Торговая палата это так не оставит. Местные власти нас трогать не будут, так как уже знают, на что можно нарваться. И также хорошо знают, что если сделать вид, будто ничего такого и не происходит, то наоборот окажутся в прибыли. Поэтому выбор им сделать нетрудно. Зато в самой Испании...

– Петрович, да хрен с ней, с Испанией. Пока они раскачаются, да пока сюда кого-то по нашу душу пришлют, много воды утечет. Да еще и не факт, что эта орава сюда целиком доберется. Вспомни Непобедимую Армаду в нашей истории, чем для нее все закончилось. А тех, кто все же доберется, встретим. Я только что с верфи, наши кораблики уже близки к тому, чтобы их на воду спускать и на воде достраивать. А авианосец все же решил пока не делать?

– Самолетов для него еще нет. Те эксперименты, что наши «кулибины» от авиации и моторостроения проводят, это еще не серийные машины. Вот как сделают что-то прилично летающее, причем такое, что можно не в единственном экземпляре создать, тогда и авианосец построим. А пока «вертолетоносцем» обойдемся.

– Да, кстати! Я тут с нашим генеральным конструктором от авиации разговаривал, так он заверил, что если надо, может небольшие гидросамолеты сделать для наших крейсеров. Таким макаром мы можем очень далеко от побережья Атлантику обшаривать.

– Было бы неплохо! Но это не решает проблему в целом. Нам надо обязательно знать, что творится не только в Атлантике, но и по ту сторону Атлантики. Причем, как любили у

нас говорить, в режиме реального времени. Чтобы заранее принять меры. Как там, кстати, у группы Корнета дела идут на Барбадосе?

– Прекрасно идут. Корнет уже настолько вжился в образ успешного контрабандиста Джона Стаффорда, что давно стал своим для англичан. Прокручивают на пару с Робертом Сирлом свои контрабандные негодии и довольны жизнью. Причем теперь нам даже не нужно снабжать его деньгами – контрабандный бизнес оказался необычайно прибыльным мероприятием. Кто бы раньше мог подумать, что у Корнета такой талант пропадает?!

– Иными словами, за Барбадос мы можем быть спокойны?

– Более чем. Может быть, приберем и его к рукам под шумок? Как раз момент благоприятный. Там сейчас пятая колонна очень большая – много ирландцев, проданных в рабство английским плантаторам. Стоит нам лишь начать – полыхнет неслабо.

– Полыхнет неслабо, но для нас преждевременно. Все сходится к тому, что скоро нам следует ждать реакции Испании на наши безобразия. И зная ее обычную политику, я практически на сто процентов уверен, что в Мадриде снова попробуют решить вопрос радикально. А раз так, то нам пока что не стоит распылять силы, их не так уж много. Именно поэтому я и отказался от операции на Манхэттене, едва узнал о катастрофической ситуации с испанскими товарами в портах Нового Света. Пока отказался. Пусть английские джентльмены там еще похозяйничают. Тем более, во время третьей англо-голландской войны, которая должна начаться через два года, голландцы их все равно оттуда вышвырнут.

– А нам потом голландцы не помешают?

– Не помешают. Тем более, когда начнется заваруха, мы можем подсуетиться чуть раньше и, вышвырнув англичан самостоятельно, поставить голландцев перед фактом. С нами они ссориться не станут, им это очень невыгодно. Поэтому просто разделим сферы влияния в районе Гудзона. И нас и голландцев это вполне устраивает, так как сами они эту территорию не поднимут. Уже один раз попытались, да не вышло. Для нас тоже будет гораздо выгоднее, если снабжение европейскими товарами нашей удаленной территории возьмут на себя голландцы. Но меня в данный момент интересует не это.

– Испания?

– Да.

– Подготовка «штирлица» и его группы почти закончена. Скоро будем забрасывать.

– Уверен? Не опасно ли подписывать на такое дело местных?

– Абсолютной уверенности, конечно, нет. Но посылать кого-то из наших – вероятность провала еще выше. Корнету удалась легализация в Порт-Ройале исключительно благодаря интернациональному гадюшнику из авантюристов всех мастей, какой там был. В Кадисе же такого не будет. Там одни испанцы, причем «законопослушные» и «богобоязненные». Мы не сможем постоянно контролировать себя в мелочах настолько, чтобы не отличаться от испанцев. И никакие отговорки на то, что дескать «мы не местные», а родились в Новом Свете, не помогут.

– Кого именно хочешь отправить в Кадис? Для нас это наиболее важное направление.

– Полное имя Кристофер Ортега де Алмейда, двадцати семи лет, испанец португальского происхождения. Отец португалец из пленных, мать испанка. Родился и вырос на Маргарите в Пуэрто-де-ла-Мар, куда судьба забросила его папашу. Папаша из мелких обнищавших дворян, но замашки «знатного испанца» у нашего кандидата в «штирлицы» отсутствуют. Очень смысленный, образованный по местным меркам, знает торговое дело, владеет кроме испанского и португальского также английским и французским языками, немного голландским. Причин любить Испанию у него нет, так как и его отец и он сам вдоволь натерпелись в свое время разных пакостей от испанских чинуш. Причем зачастую – по национальному признаку. Хотя и те, и другие – католики.

– И по какой легенде думаешь отправить его в Кадис?

– Разбогатевший купец из испанского захолустья Нового Света, которому осточертело сидеть на задворках великой империи, и он захотел перебраться поближе к цивилизации, а заодно открыть там свое дело. При нем четверо слуг из индейцев и метисов. Корабль, который доставит группу, купим через наших доверенных лиц, и его экипаж не будет ничего знать. Загрузим колониальными товарами, согласно обычному ассортименту, и отправим в Испанию. До самого выхода в Атлантику, пока существует хоть какая-то опасность нарваться на остатки пиратов, его будут сопровождать «Песец» и «Аврора», причем «Аврора» все время останется за пределами визуальной видимости, а «Песец» издали никто не опознает. Когда удалятся достаточно далеко в океан, ночью наши уйдут, а «штирлиц» отправится дальше. По приходе в Кадис уплатят все положенные портовые сборы и взятки, сдав товар оптом через представителей Торговой палаты, чтобы не было проблем. Единственное из «артефактов», что будет у Алмейды – радиостанция с аккумуляторами и генератором. Плюс золото и драгоценности контрабандой, что занимают небольшой объем. Серебряные песо придется провозить легально, они занимают много места. Все прочее барахло и оружие – исключительно местного производства, хоть и самое лучшее. И вот ради этого придется покупать корабль целиком, а не фрагтовать его на один рейс.

– Чтобы сделать тайники в корпусе?

– Да. Причем такие, чтобы исключить попадание влаги. Прятать аппаратуру и ценности среди груза опасно – могут досмотреть любой ящик или бочку.

– А как планируешь вынести с борта?

– По приходе корабль сразу встанет на ремонт после тяжелого перехода через Атлантику. В процессе стоянки аппаратура и камушки с золотишком будут потихоньку вывезены на берег. Но не ранее, чем наш «штирлиц» купит дом. Возможно, придется дать на лапу кое-кому из стражи, чтобы не совали нос. Самое лучшее прикрытие деятельности – открыть кабац с «нумерами» поблизости от порта. Тогда обилие разношерстного народа, который там толчется, не вызовет подозрений. В общих чертах так. Детали надо будет еще проработать.

– Хорошо, с этим понятно. А как твои оппоненты себя ведут?

– О-о-о, мой команданте, тут целый шпионский роман можно написать! События развиваются необычайно интересно. Начнем с Тобаго. Там все идет по накатанной, тишь и благодать. Все «шпиёны» шпионят друг за другом, временами устраивая разборки, что мы успешно контролируем и направляем в нужное русло. И поскольку секретные работы на Тобаго давно свернуты, а то, что есть – сплошная видимость и дезинформация, то остается наблюдать за действиями тобагских «шпиёнов» как за съемками увлекательного шпионского боевика с элементами триллера, ужасика, комедии, порнухи и всего прочего понемногу. Там работает настоящий интернационал – со всей «просвещенной» Европы. И каждая «спецслужба» считает себя гораздо круче всех остальных, вместе взятых. Лидируют, как и положено, братья иезуиты, у них это дело всегда было хорошо поставлено. И именно они сейчас начали подозревать, что на Тобаго всех кормят «дезой». Остальные же трудятся не покладая рук на ниве шпионажа с разной результативностью, но никто так до сих пор и не понял, что работает впустую. Иными словами, на Тобаго все хорошо, прекрасная маркиза! На Тринидаде ситуация несколько иная. Поскольку здесь, кроме испанских «шпиёнов», других нет, то логично было бы предположить, что все они станут работать на общий результат, координируя свои действия. На самом же деле каждый тянет одеяло на себя. Хоть до разборок с поножовщиной, как на Тобаго, дело и не доходит, но напакостить своему коллеге, если представится такая возможность, у здешних «шпиёнов» в порядке вещей.

– Вижу, перестал ты их «штирлицами» называть? Что так, герр Мюллер?

– Не тянут они в своей массе на «штирлицев», мой каудильо. «Шпиёны» мелкого пошиба, других слов у меня нет. В лучшую сторону выделяются только иезуиты. Вот этих с полным

правом можно назвать «штирлицами», но их тут как раз и немного. Весь же прочий сброд – обычные «шпиёны», на которых разве что таблички нет, что они «шпиёны».

– А из Алмейды думаешь «штирлица» сделать?

– Очень надеюсь. Толковый хлопец, сам долго с ним занимался. Матильда его тоже «просканировала». Думаю, толк будет. Хоть в штандартенфюреры в Мадриде и не вылезет, это я ему прямо запретил. Потому что в Кадисе, как владелец припортового кабака, он будет нам гораздо полезней.

– А почему не хочешь кого-нибудь и в Мадрид отправить?

– Рано. Посылать туда обычного простолюдина или даже мелкого нищего дворянчика из «знатных испанцев» нет смысла. Наверх им не пробиться, а собирать информацию в городе – этим можно и в Кадисе заниматься. Своего же человека в среде настоящих аристократов, готового заняться малоуважаемым шпионским делом, у нас нет. А даже если бы и был, то по приезде в Мадрид ему будет обеспечено самое пристальное внимание, едва он обозначит свой интерес пробиться в верхи. Поэтому владелец припортового кабака в Кадисе – наиболее перспективный для нас вариант.

– Ну, тут тебе виднее. Что еще?

– Касательно наших старых и новых знакомых – складывается очень интересная картина. Мой друг сеньор Наварро, «купец» из Куманы, неожиданно смотался на материк. Не знаю почему, так как в последнее время он был в диком восторге от той «дезы», которую я ему регулярно сливал. Зато наметилось очень интересное и перспективное сотрудничество с Луисом Монтеро – командиром иезуитской команды «штирлицев». Сразу предупреждаю – мужик очень умный, хитрый и осторожный, держи с ним ухо остро. Лишний раз убедился, что информация об ордене иезуитов, которая дошла до нас, вполне справедлива. Это очень серьезные противники. И нам очень повезло, что пока они не пытаются нам вредить, а наоборот, всеми силами стараются подружиться и втереться в доверие. Помимо чисто практического интереса к нашим знаниям они также преследуют благую, с их точки зрения, цель. Поскольку мы – не еретики-протестанты, то формально врагами католической церкви не являемся, а являемся просто заблудшими неприкаянными душами, пришедшими в этот мир по воле Господа. И которых надо в обязательном порядке постараться спасти, приобщив к истинной вере.

– И как успехи?

– Никак. На все красивые и осторожные подходы брата Луиса я с солдафонской прямо-той отвечаю, что мы все и так уже отмечены печатью Господа, поэтому в какой-то дополнительной процедуре нужды нет. Ведь именно нас Господь избрал, направив посланцами в этот мир. Против такого расклада ему крыть нечем. Проблема не в этом, Петрович. А в том, что намечается религиозный конфликт.

– Что такое?

– Я тебе уже говорил, что вместе с лицами славянской национальности, прибывшими к нам из Курляндии, прибыл и поп – святой отец Никодим. Так вот этот поп, будь он неладен, действует вопреки пословице о чужом монастыре и своем уставе. Для него все вокруг – схизматики, в число которых даже мы попали, поскольку сразу же отшили его попытки набросить на нас хомут.

– Да уж, ничего не меняется... Как там, так и здесь, РПЦ в своем репертуаре... Ну так провел бы с этим попом разъяснительную беседу.

– Проводил, бесполезно. То ли специально такого дурака послали, чтобы всех баламутил, то ли другого просто не было.

– Значит надо своего попа найти. Который нас слушать будет.

– О-о-о, мой каудильо, Вы делаете поразительные успехи на политическом поприще! Я то же самое хотел предложить. Только где ж его взять-то? В обеих Америках сейчас ни одного православного попа не найдешь.

– Было бы желание, а поп найдется. Кто там с ним еще прибыл из этой хитрожопой братии – служителей культа?

– Трое. Два служки и один дьякон вроде бы. Я в ихней церковной иерархии не очень силен.

– Так вот присмотрись и определи, кто из них на роль главного вешателя лапши на уши прихожанам лучше подойдет. Понимаю, что просто так попом не становятся и на должность эту назначают... или как они там говорят – рукополагают, но московская патриархия с патриархом Всея Руси далеко, а православным, которые тут у нас обретаются, слишком долго оставаться без слова Божьего невместно. А поскольку дипломированный поп не справился со своими обязанностями и начал грешить не по-детски, что привело к особо тяжким последствиям, то надо же кому-то слово Божье людям нести?

– Ну, ты даешь, мой каудильо! Уже и план разработал?

– Нет, в части разработки планов и их реализации это ты у нас специалист. А я лишь генеральное направление могу подсказать – если этот поп нам очень мешает, причем мешает сознательно, а не по дурости, или будучи введенным в заблуждение, то убрать его нужно так, чтобы вся паства узнала о богомерзком и непотребном поведении своего пастыря. За что его и покарал Господь. Дабы ни у кого не возникло в этом сомнений и не стали возводить напраслину на нас. Сумеешь сделать?

– Да без проблем. Слушай, у тебя в роду политиков не было? Рассуждаешь, как политик.

– Вроде бы не было. И у нас тут сейчас весьма своеобразная политика. Не монархия, не республика, а самая настоящая военная хунта, которая надавала пи...лей несогласным и прибрала все к рукам. А я как генерал Франко, который заявился из какой-то тьмутаракани и, опираясь на свои верные войска, править начал.

– Ну и что? Как бы у нас ни хаяли генерала Франко, а страну из дерьма он все же сумел вытащить. И это помимо того, что у него хватило ума в войну на стороне Гитлера не влезть, в отличие от «великих» Италии, Финляндии, Венгрии и Румынии. Хотя Гитлер его всячески охмурял и пытался на чувство долга за оказанную помощь надавить. Но сеньор Франко оказался гораздо умнее, и Адольфа Алоизыча вежливо и красиво послал, так как догадывался, чем все закончится. Ну а чем мы хуже? Пока что все, тьфу-тьфу, вроде неплохо получается. Так что правьте и дальше, как правили, мой каудильо! Не время и не место в демократию играть. Хватит, один раз в нее поиграли. Больше не хочу...

Когда Карпов ушел, Леонид призадумался. Нельзя сказать, что он вообще не предвидел эту проблему, но все же считал ее маловероятной, скорее чисто теоретической. Надеялся на благоразумие людей, рискнувших сорваться с места и отправиться в неизвестность по другую сторону Атлантики. В общей массе переселенцы из Курляндии неприятностей не доставляли, и среди них нашлось много по-настоящему нужных молодому государству специалистов в самых разных областях. Но... Были отдельные индивидуумы, которым везде плохо. Причем плохо уже от того, что кому-то другому хорошо. И такие всегда начинают мутить воду. А уж если главным возмутителем спокойствия оказывается единственный священник, которому люди верят... И на которого, что греха таить, Леонид возлагал большие надежды... Но все пошло наперекосяк с самого начала. То ли от недостатка ума, то ли выполняя чью-то волю, отец Никодим сразу же противопоставил себя «схизматикам» и с упорством, достойным лучшего применения, попытался набросить ярмо на пришельцев из другого мира, а также на индейцев. Когда воинствующему святому отцу вежливо указали на недопустимость подобного поведения, он сначала даже не сообразил, о чем речь. В его понимании позиции церкви были незыблемы и государственная власть просто обязана считаться с мнением церковных иерархов. После того же, как ему популярно объяснили, что в том мире, откуда пришел Железный корабль, церковь целиком и полностью подчинена государственной власти, всячески поддерживает государственную власть в любых ее начинаниях, что бы та ни творила, и при этом не вякает, выра-

жая всяческий «одобрымс», то очень удивился. Открыто не возмущался, но очень скоро стало известно – святой отец начал свою игру, которая может закончиться вооруженным конфликтом на религиозной почве. По скудоумию или целенаправленно, чтобы создать очаг напряженности, пока что выяснить не удалось. К счастью, хоть своего прежнего «штатного» возмутителя религиозного спокойствия – отца Альваро – удалось вовремя спровадить на материк, а то бы конфликт мог разгореться на пустом месте сразу же после прибытия группы переселенцев. Оставшийся на Тринидаде представитель католической церкви отец Эрнесто, который всячески поддерживал пришельцев в их начинаниях, оказался гораздо мудрее своего православного коллеги и на провокацию не поддался, наоборот постаравшись прийти к взаимопониманию, дабы не устраивать противостояние конфессий. Увы, все его старания пропали втуне. Иезуиты, как всегда, формально ни во что не вмешивались, наблюдая со стороны и преследуя свои интересы.

Взглянув еще раз на чертежи и решив, что на сегодня пожалуй научно-шпионской деятельности хватит, Леонид убрал их в сейф и решил прогуляться. Выйдя из дома в парк, окружающий асьенду со всех сторон, он с удовольствием вдохнул свежий воздух, наполненный ароматом тропических растений. Недавно прошел дождь, и пешеходные дорожки из природного асфальта, добытого из озера Питч-Лэйк, поблескивали от воды. Пройдя немного по мокрому асфальту, навевающему ностальгические мысли, и завернув за угол изгороди из кустарника, он увидел Матильду с коляской. Открыл было рот, но женщина приложила палец к губам.

– Тс-с, тихо!

Леонид подошел и глянул под полог коляски, довольно точно скопированной с изделий XXI века. Там спокойно посапывал его первенец в этом мире Александр, которому пока что не было никакого дела до творящихся вокруг безобразий. Поцеловав жену, Леонид «принял управление» коляской, и они медленно пошли по дорожке под кронами деревьев, разговаривая вполголоса.

– Давно гуляете?

– Минут двадцать. Сразу, как дождь закончился. Тебе там еще не надоело бумажными делами заниматься?

– А что делать? Кому-то ведь надо. Ты лучше расскажи, как там дела у твоей протеже идут.

– Хорошо идут. Хуана и Сергей любят друг друга, и все движется к свадьбе. Небольшое внушение я провела, но в нем не было сильной необходимости. Просто, чтобы молодые люди вели себя посмелее и не тянули слишком долго. Я часто разговариваю с Хуаной и наставляю ее на путь истинный, причем такой благодарной слушательницы у меня давно не было. Влюбленная девочка бесхитростно пересказывает наши разговоры Луису Монтеро, старшему из иезуитов, нисколько не считая это шпионажем. Сергею я ничего не говорила. Не надо парню знать лишнее.

– Согласен. Тем более, сейчас «Кугуар» выходит на патрулирование в море и ему надо о другом думать. А проблем со стороны церкви по поводу свадьбы не будет?

– Не будет. Баламута Альваро удалось спровадить подальше, а отец Эрнесто относится к венчанию представителей разных конфессий философски. Хоть Хуана и настаивает на проведение церемонии как положено, по католическому обряду, но Сергею на религию вообще наплевать. Во всех священниках он видит обыкновенных хапуг и дельцов, прикрывающихся именем Божиим. Так что для него, по какому обряду проводить венчание, – по католическому, по православному, по буддистскому, или по индейскому – все едино. Просто удивительно, до чего дошла церковь в вашем времени, полностью утратив авторитет у людей.

– Увы, дорогая, что есть – то есть. Наши священники очень постарались, чтобы так получилось. И в нашей стране, особенно после ее развала, народ стал воспринимать церковь как

очень прибыльную коммерческую организацию, глядя на ее представителей. Которая обоснует что угодно и благословит что угодно. За соответствующую плату, разумеется.

– Здесь сейчас то же самое, Леонардо. Обучаясь в монастыре, я насмотрелась и наслышалась такого... Но я вижу, что тебя что-то другое тревожит?

– Да. Склады в испанских портах Нового Света завалены товарами из Испании, которые никто не хочет брать. Торговая палата несет колоссальные убытки. Мы полностью захватили местный рынок, начав войну цен. А это может привести к настоящей войне. Испанские гранды нам этого не простят.

– Это так, но Испания – по ту сторону Атлантики. Собрать и доставить сюда по-настоящему сильную карательную экспедицию очень сложно. Это не с индейцами воевать. Тем более, сейчас сентябрь. «Золотой конвой» этого года ушел сразу же после взятия Порт-Ройала и уже должен прибыть в Кадис. Думаю, в том золоте, что он доставил, расходы на карательную экспедицию не предусмотрены. Даже если что-то и начнется, то испанцам нужно будет либо ждать прибытия следующего «золотого конvoja» и только тогда начинать подготовку, либо влезать в громадные долги, чтобы послать экспедицию в следующем году. И прибудет она не раньше конца весны. Как минимум полгода у нас есть, а скорее всего больше. За это время наши новые корабли будут достроены и смогут перехватить карателей в океане далеко от берега. Да и здесь возведение новых береговых укреплений идет успешно.

– Согласен, но мы нанесли оплеуху Англии, и она этого так не оставит. Будет пакостить по мере возможности, причем чужими руками. Знаю я ее подлую натуру. Мэттью Каррингтона, кстати, на Ямайке так и не нашли. Хитрый лис умудрился сбежать, хотя все командование англичан во главе с адмиралом Холмсом попало в плен к испанцам. Кроме губернатора Монка, погибшего во время пожара, охватившего губернаторский дворец. Причем пожар начался задолго до того, как испанцы пошли на штурм города. И когда они подошли к дворцу, он уже выгорел. Наши люди и испанцы, проводившие расследование на месте, точно установили, что незадолго до начала пожара к губернатору приходил Каррингтон. После этого его никто не видел.

– Думаешь, Каррингтон убрал своего начальника, который слишком много знал, и заранее сбежал, так как был уверен, что Порт-Ройал вскоре падет?

– Очень похоже. Карпов такого же мнения. Правда то, что Каррингтон удрал и будет пакостить нам дальше, это неудивительно и само собой разумеющееся. Да и в конце концов, в Англии не один такой умник, как Мэттью Каррингтон. Что-то случится с ним – найдут другого. Так что все в порядке вещей и под контролем, не волнуйся.

– Все?

– Все.

– Леонардо, не ври мне. Не забывай, что я вижу тебя насквозь.

– Матильда, но я не хочу напрасно тебя волновать...

– А то, что ты пытаешься что-то скрыть, думаешь меня волновать не будет?

– Хорошо, скажу, чтобы только тебя успокоить. Я знаю, что вскоре что-то произойдет. Не знаю, что именно, но это событие поставит под угрозу саму возможность нашего выживания.

– Ты меня пугаешь, Леонардо. Что же такое может произойти, с чем мы не сможем справиться?

– Я не говорю, что не сможем. Я говорю, что это может создать нам очень большие трудности. Иными словами, Большой Пушистый Полярный Лис снова собирается нанести нам визит...

Глава 3. Человек предполагает, а Бог располагает

Не так уж далеко, всего в ста шестидесяти милях к северо-востоку от Тринидада, находится остров Барбадос. Он значительно меньше, чем Тринидад, запасов драгметаллов в своих недрах не имеет, поэтому испанцы и португальцы, колонизирующие Новый Свет, оставили Барбадос без внимания. Успевшая к шапочному разбору в дележе новых территорий Англия не могла пройти мимо такого подарка и прибрала Барбадос к рукам в 1627 году. С этого момента началась колонизация острова европейцами, что свелось в основном к развитию плантаций сахарного тростника и других сельскохозяйственных культур. Никто больше на этот клочок суши, лежавший далеко за пределами гряды Антильских островов, не претендовал, и Барбадос жил своей неспешной жизнью заморской колонии. Когда произошло Тринидадское Чудо и на Тринидаде появился Железный корабль из другого мира, это, конечно, внесло некоторое оживление в размеренный быт жителей Барбадоса, и даже возникли опасения по поводу неожиданной «кусачести» пришельцев, которые быстро обломали рога всем, кто попытался наложить лапу на то, что так неожиданно «Господь послал». Ведь если они с легкостью захватили огромный Тринидад, то что им мешает сделать то же самое и в отношении значительно меньшего Барбадоса, если вдруг возникнет такое желание? Но очень скоро поняли, что пришельцы не нападают первыми, а только защищаются от различного рода посягательств на свою собственность, каковой они считали Тринидад и все, что на нем находится, а также на их свободу и независимость. Прошлогодний погром в Порт-Ройале снова поднял волну беспокойства, но когда пришла подробная информация и выяснились все обстоятельства неприглядного поведения Генри Моргана по отношению к пришельцам, на Барбадосе успокоились. Леонардо Кортес, глава тринидадских пришельцев, не пытался лишить Англию ее заморских территорий, а просто объяснил всем в Порт-Ройале на понятном языке, что не стоит поднимать руку на то, что ходит по морю под тринидадским флагом. На какое-то время снова все вернулось на круги своя, пока Роберт Сирл не учинил новую авантюру с налетом на Тобаго. Правда, тут ситуация была неоднозначная и большинство населения Барбадоса не видело в этом особых проблем. Ведь Тобаго – не Тринидад. Однако умные люди быстро им объяснили, что Тобаго давно уже стал рыночной площадью Тринидада со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но снова обошлось. Пришельцы не хотели воевать, а уничтожив зарвавшихся бандитов, снова продолжили политику открытой торговли всех со всеми через порто-франко Якобштадт на Тобаго, созданный их стараниями. Выгоду от создавшейся ситуации признавали все, в том числе и жители Барбадоса, и было бы глупо пытаться ее сломать. Но... Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Совершенно неожиданно началось повальное бегство с Ямайки, так как, согласно просочившейся информации, Испания собиралась вернуть утраченную собственность. Сначала в это никто не поверил, и над беглецами из Порт-Ройала на Барбадосе откровенно смеялись. Но как оказалось, хорошо смеется тот, кто смеется без последствий. А последствия не заставили себя долго ждать. Тринидадцы неожиданно вмешались и нарушили статус-кво, установившейся в Новом Свете уже более сотни лет. Сначала уничтожили английскую эскадру, прикрывающую Ямайку, а затем разнесли вдребезги форт Руперт, являвшийся главным препятствием для испанского десанта, подавили артиллерию других фортов, и испанцы, практически не встречая сопротивления, заняли Порт-Ройал, а за ним и всю Ямайку, вышвырнув оттуда англичан. С этого момента на Барбадосе потеряли покой. Ведь вполне было ожидаемо, что вслед за Ямайкой настанет черед и других английских владений в Новом Свете. Но испанцы ограничились Ямайкой, не став развивать свой успех дальше, а тринидадцы вернулись к себе на Тринидад, по пути учинив погром на Тортуге, уничтожив все корабли французских и английских пиратов, которые в тот момент там находились. И что удивительно, не только не сделали никаких попыток захватить остров и установить над ним

свой контроль, а еще и извинились перед французским губернатором месье Д'Ожероном за причиненные неудобства. Произшедшее не укладывалось ни в какие рамки, и в Бриджтауне, самом крупном городе Барбадоса, тревожно ждали развития дальнейших событий. Не покажутся ли дымы на горизонте, означающие появление тринидадских кораблей, способных ходить без парусов? Если Тринидад решил начать перекраивать карту Нового Света, начав с Ямайки, вернув ее прежним владельцам, то что мешает ему обратить внимание на Барбадос, который гораздо ближе? Но... Месяц шел за месяцем, а ничего не происходило. Все также кипела торговля в Якобштадте, все также шел нескончаемый поток различных товаров через Атлантику в обоих направлениях, все также звонко звенело золото и серебро в руках тех, кто не обращал внимания на царившую атмосферу страха от неожиданной эскапады тринидадцев и продолжал делать то же, что и раньше. Первые английские купцы, рискнувшие появиться на Тобаго после падения Порт-Ройала, принесли радостную весть. На Тобаго все останется, как прежде. Никакие разногласия между Англией и Тринидадом не затрагивают статус нейтральной территории. Флот тринидадцев вернулся к себе домой и покинуть тринидадские воды в ближайшем будущем не собирается. На Барбадосе вздохнули с облегчением. Тринидад еще раз показал свое нежелание воевать с соседями. Устроил показательную порку виновных в тобагской авантюре Сирла, причем так, что радикально решил вопрос с возможными последующими агрессивными акциями со стороны губернатора Ямайки, и снова вернулся к торговым делам. Так считало большинство населения Бриджтауна и остальных городков и поселков Барбадоса, за исключением его губернатора – лорда Уильяма Уилоуби и некоторых его чиновников, которые во всем соглашались с мнением своего босса. Сэр Уильям был уверен, что тринидадцы не остановятся в своем стремлении расширить владения за счет соседей, а сейчас просто выжидают, собираясь с силами. Если бы губернатор Барбадоса послушал тех, кто объективно оценивал ситуацию в регионе, и поверил в то, что данный остров тринидадцев не интересует, то возможно, ничего бы и не случилось. Но увы, как это часто бывает, одно не приметное событие тянет за собой другое, и со временем цепочка незначительных, но взаимосвязанных событий переводит количество в качество, приняв характер лавины, сметающей все на своем пути. И многие при этом зачастую уже и не помнят, что же стало первым камешком, стронувшим лавину с места...

Капитан Бенджамин Робинсон был не из самых удачливых приватиров Ямайки, но по крайней мере он сумел вовремя унести ноги из Порт-Ройала, поверив в скорое нападение испанцев. И как оказалось, не ошибся. На Тортугу он не пошел, так как подрядился перевезти нескольких купцов с Ямайки на Барбадос вместе с их барахлом за весьма приличную сумму. И совершенно случайно снова оказался в выигрыше, так как тринидадцы после взятия Порт-Ройала здорово порезвились на рейде Бастера на Тортуге, уничтожив все корабли приватиров, какие там были. По приходе в Бриджтаун – самый крупный город и порт Барбадоса – Робинсон стал думать, что же делать дальше. Он сравнительно недавно появился в Новом Свете, и его быстроходная бригантина «Кэтти» так и не успела толком нагнать страху на испанцев. Того, что удавалось добыть, едва хватало на покрытие расходов, а о богатой добыче, сравнимой с удачей Франсуа Олоне в Маракайбо, не было и речи. Проклятые тринидадцы сделали работу приватир в Карибском море очень опасной. Когда Роберт Сирл устроил свою авантюру с нападением на Тобаго, Робинсон был в другом месте и о готовящейся акции узнал слишком поздно. Уже после того, как она благополучно провалилась. Но, тем не менее, в отличие от всех остальных, этот прохвост Сирл уцелел. И не только уцелел, но еще и сменил амплуа, превратившись из неудачливого приватир в удачливого контрабандиста. Достоверной информации об этом не было, но ведь слухами земля полнится... Пока «Кэтти» шла к Барбадосу, Робинсон прикидывал дальнейшие планы. Продолжать ли карьеру приватир, переквалифицироваться в контрабандисты, или вообще послать все к чертям, продать корабль и осесть на берегу. Благо, деньжата кое-какие имелись, а с пассажиров-купцов удалось сорвать очень

хороший куш, воспользовавшись их безвыходным положением. И все вместе это составляло очень даже неплохую сумму. Поначалу Робертсон раздумывал, а не избавиться ли вообще от богатых пассажиров, наложив лапу на их имущество, но потом все же решил не рисковать. Кто его знает, как все сложится на Барбадосе. А то, как бы не пришлось и оттуда уносить ноги...

По приходе на рейд Бриджтауна Робинсон все же решил пока не оставлять ремесло приватира. Дело знакомое, а как оно там пойдет с контрабандой, еще неизвестно. Тем более, Ямайка можно сказать потеряна как рынок сбыта. Нужно искать что-то другое, а на Барбадосе и своих контрабандистов хватает. На берег тоже пока рановато, это всегда успеется. Поэтому взвесив все за и против, Робинсон снова вышел на «промысел». На досуге он проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что в Карибском море, на привычных маршрутах движения испанских кораблей, делать больше нечего. Запросто можно нарваться на корабль-ловушку, каких много наделали испанцы с подачи тринидадцев. Либо налететь на самих тринидадцев, что еще хуже. Если от испанского корабля-ловушки можно хотя бы попытаться удрать, если станет жарко, то от тринидадцев не убежишь. И они вообще церемониться не станут – догонят и без разговоров отправят на дно, даже не попытавшись захватить «Кэтти» в качестве трофея. Но были еще «охотничьи угодья», которыми до последнего времени мало кто интересовался, так как были районы и поближе, причем не менее «урожайные». И насколько удалось выяснить, это направление тринидадцы и испанцы еще не перекрыли. То ли не сочли нужным, то ли сил у них на все не хватало. В Атлантике, в зоне пассата, проходил путь работорговцев, доставляющих в Новый Свет «черное дерево» из западной Африки. Поскольку в процессе колонизации Нового Света выяснилось, что рабы из индейцев никакие, сюда стали завозить негров. Торговля «черным деревом» процветала и приносила огромные барыши. Вот Бенджамин Робинсон и подумал, что не будет ничего плохого в том, если некоторые корабли работорговцев в процессе перехода между Африкой и Новым Светом поменяют своего хозяина и доставят груз «черного дерева» не туда, куда собирались, а на Барбадос. И расчет оправдался! В первые же три месяца удалось захватить пять кораблей с «черным деревом». «Дичь» тут явно была еще непуганая. Сами работорговцы отправились за борт, чтобы много не болтали, а их «груз» – на невольничий рынок в Бриджтауне, где ушел очень быстро и за хорошую цену. На руку пиратам играло еще и то, что коллег-конкурентов у них практически не осталось. Тринидадцы здорово проредили приватирскую братию в Карибском море. Робинсон повеселел и уже стал прикидывать, что если так пойдет и дальше, то через год он станет богачом. Можно будет спокойно осесть на берегу в том месте, где тебя никто не знает, и вести жизнь уважаемого и состоятельного человека. Но... Человек предполагает, а Бог располагает. После ряда успехов наступил период затишья. «Кэтти» рыскала по океану, но безрезультатно. Чертовы работорговцы как сквозь землю провалились. Запасы воды и провизии подходили к концу, и если никто не появится, то самое позднее через неделю надо будет возвращаться на Барбадос. Робинсон пребывал в отвратительном настроении, прохаживаясь по квартердеку, как вдруг неожиданно услышал крик впередсмотрящего с фор-марса.

– Парус слева по носу!!!

Все сразу же пришло в движение, команда бригаантины повеселела. Кто бы это ни был, но от быстроходной «Кэтти» он не уйдет. Может, это и не работорговец, а обычный «купец» с европейскими товарами, но когда очень долго не было вообще никакой добычи, сойдет и такой. «Кэтти» чуть изменила курс и пошла наперерез обнаруженному кораблю. Вскоре выяснилось, что это португальский галеон. Робинсон внимательно рассматривал будущую добычу и уже прикидывал, сколько сможет за нее получить после продажи «груза» и самого корабля. В подзорную трубу он давно разглядел португальский флаг и название на борту «Сан-Себастьян». Скорее всего – работорговцы. У португальцев сейчас это дело процветает. Захватив вовремя большие территории в Африке, они наладили бесперебойную доставку «черного дерева» в Новый Свет. Дело очень прибыльное, хоть и довольно хлопотное. Черномазые по путидохнут,

как мухи. И чтобы довести как можно большую часть товара в целости и сохранности, надо проявить максимум изобретательности.

Между тем, на «Сан-Себастьяне» тоже заметили «Кэтти» и сделали верные выводы о дальнейшем развитии событий. Галеон шел прежним курсом не убавляя парусов, так как его капитан хорошо понимал – уйти от легкой бригантины не удастся. Остается надежда лишь на более высокую огневую мощь галеона и на то, что огнем удастся повредить рангоут и такелаж «Кэтти», сбив ей ход. Робинсон внимательно осмотрел противника и решил не устраивать артиллерийскую дуэль, а зайти с кормы и, воспользовавшись преимуществом в скорости, взять корабль на абордаж. Команда бригантины уже давно была готова к бою и с воодушевлением поглядывала на долгожданную добычу. Улыбнувшись, капитан дал команду атаковать. Легкая «Кэтти» неслась вперед, как на крыльях, обходя по дуге тяжелый и неповоротливый «Сан-Себастьян».

Однако с первых же минут все пошло не так, как хотелось. Португальцы начали маневрировать, стараясь держать бригантину под прицелом своей бортовой артиллерии. Обменялись выстрелами с дальней дистанции, но безрезультатно. Лезть же под бортовой залп крупного корабля Робинсон не хотел, поэтому продолжил «вальсирование» вокруг галеона, стараясь приблизиться к его корме. Но португальский капитан явно знал толк в искусстве морского боя, поэтому ему пока что удавалось заставлять наглую «Кэтти» держать дистанцию, обмениваясь выстрелами из орудий и стараясь повредить ей рангоут. Хотя пока ни одна из сторон и не добилась попаданий, но джентльменам удачи ясно давали понять – легкой добычи не будет.

Шел уже третий час боя. Приватирам так и не удалось занять выгодную позицию. На палубе «Кэтти» уже стоял глухой ропот, и многие недовольно поглядывали на своего нерешительного капитана. Видя, что сдаваться португальцы не собираются и будут драться до конца, а дальнейшее маневрирование со стрельбой с большой дистанции не даст никакого результата, так как «Сан-Себастьян» оказался неожиданно проворным для своих размеров, Робинсон все же решился на атаку в лоб. «Кэтти», выйдя на ветер, резко положила руль и понеслась к галеону. «Сан-Себастьян» попытался отвернуть, но тщетно. Корабли быстро сближались, и тут на бригантину обрушился залп картечи, изорвав паруса и пройдясь свинцовым дождем по палубе. Раздались крики раненых и яростная ругань уцелевших. Четыре легкие пушки «Кэтти», выстрелившие в ответ, не нанесли противнику серьезного урона. Впрочем, повреждения бригантины были не очень велики, и оставаясь на ветре, она быстро сближалась с противником, пока он перезаряжал пушки. Но как оказалось, португальцы подготовили неприятный сюрприз. Они стреляли не всем бортом. Два орудия ждали, когда пираты подойдут поближе. И когда расстояние между кораблями сократилось чуть ли не до полусотни ярдов, ударили почти в упор. Одно ядро разнесло в щепки бушприт «Кэтти» и тараном пронеслось над ее палубой, убивая и калеча всех, оказавшихся на его пути. Второе ядро угодило в левую скулу возле ватерлинии, проломив большую пробоину, в которую сразу же стала захлестывать вода. Если бы удалось сделать это раньше, то «Кэтти» могла бы вообще не добраться до своего противника, зарывшись носом в воду и потеряв ход, но расстояние уже было ничтожно малым, и вскоре в воздух взвились абордажные крючья. «Кэтти» навалилась на борт «Сан-Себастьяна», запутав снасти. Залп из мушкетов всего лишь на мгновение задержал нападающих, и приватиры хлынули на палубу галеона.

Португальцы сопротивлялись отчаянно, но их было мало. Пользуясь численным преимуществом, приватиры все больше теснили своего противника, разбивая его оборону на отдельные очаги сопротивления. Пленных не брали. Впрочем, португальцы и не думали сдаваться, сражаясь с яростью обреченных и нанося своим врагам серьезный урон. В горячке боя никто не придавал этому значения. Но силы были слишком неравны, и в конце концов, все пришло к логическому завершению. На юте, у самого фальшборта, остался последний в живых из команды галеона, вокруг которого лежала куча тел. Довольно молодой моряк громадного роста и в бога-

той одежде мастерски орудовал палашом, укладывая своих врагов одного за другим. До тех пор, пока он не остался один и кто-то из приватиров выстрелил в него из пистолета. Удар тяжелой пули отбросил португальца к фальшборту, и он уронил клинок. Когда капитан пиратской бригадины прошел на ют и глянул на последнего защитника «Сан-Себастьяна», тот был еще жив. Неожиданно раненый злорадно улыбнулся и, хрипя, все же смог сказать несколько слов на английском, но очень тихо, поэтому разобрать его речь смогли не все.

– Будьте прокляты, мерзавцы... Хвала Господу, я умираю от пули... А вас ждет достойная награда...

Португалец затих, и Робинсон пытался понять, что же сказал ему противник перед смертью. Неожиданно раздался крик.

– «Кэтти» тонет!!!

Пробоина у ватерлинии, полученная перед самым abordageм, оказалась роковой. В пылу боя не было возможности ей заняться, так как все приватиры дрались на палубе галеона, и за это время течь усилилась. Бригантина все глубже оседала в воду, крен «Сан-Себастьяна» начал увеличиваться. Робинсон сразу понял, что спасти «Кэтти» уже нельзя, и отдал приказ обрубить концы, удерживающие корабли. И вскоре «Кэтти», оборвав те снасти, что не успели разрубить, скрылась под водой. Робинсон только сейчас перевел дух. Хоть он и лишился своего старого корабля, но сейчас стал обладателем гораздо более крупного и дорогостоящего галеона, к тому же не пустого. Из трюма доносилась знакомая вонь, характерная для кораблей, занятых перевозкой «черного дерева». И после продажи этого груза вместе с «Сан-Себастьяном» можно будет купить не одну «Кэтти». Главное, надо теперь довести галеон до Бриджтауна. Но ветер попутный, и много времени это не займет. Окинув взглядом завершившееся кровавое побоище, новый капитан «Сан-Себастьяна» отдал приказ своим подчиненным.

– Осмотреть здесь все. Посмотрим, что нам Господь послал.

Пока матросы под руководством кватермастера сбрасывали трупы за борт и приводили в порядок снасти галеона, Робинсон вместе со штурманом прошел в капитанскую каюту, надеясь найти там разгадку странной фразы португальца. Штурман «Кэтти» – Джим Галлахер – знал португальский язык и мог перевести найденные бумаги. Нехорошие подозрения появились у капитана почти сразу, но он все же спросил мнение Галлахера, когда они вошли в каюту и рядом не было чужих ушей.

– Джим, ты ничего странного не заметил?

– Заметил, сэр. Среди португальцев были какие-то квелые, их сразу перебили. Как будто они искали смерти в бою. Да и остальные тоже... Никто даже не попытался сдаться.

– Значит, мне не почудилось... Ладно, давай бумаги поищем...

Корабельный журнал нашелся довольно быстро, и Галлахер начал его листать, усевшись за стол, а Робинсон как следует обшарил каюту. Добычей стал сундучок с деньгами и шкатулка с драгоценностями. Как говорится, на одного бы хватило вполне, а вот на всех...

Пересчитав деньги и осмотрев золотые украшения, капитан глянул на штурмана, углубившегося в чтение журнала.

– Ну что там интересного, Джим?

– Плохи дела, сэр. Они загрузились в Конго, но по дороге зашли в Гвинею за водой и провизией перед тем, как пересекать Атлантику. И там же взяли еще партию товара, чтобы восполнить потери – часть черномазых за время перехода от Конго до Гвинеи успела подохнуть. И похоже, в Гвинее на борт занесли какую-то заразу, так как черномазые сталидохнуть очень быстро. А с ними и часть команды. Последняя запись датирована сегодняшним днем, незадолго до боя.

– Проклятье!!! Это не чума?!

– Не знаю, сэр. В журнале об этом ничего нет.

– Давай срочно нашего коновала сюда!!! Пусть определит, что это за гадость!!!

Однако звать «коновала» не пришлось. Мистер Гриффитс, корабельный доктор, явился сам и доложил, что с «грузом» не все благополучно. Убыль очень большая, гораздо выше обычного. В трюме есть умершие. Очевидно, последние дни команда просто боялась туда спускаться, чтобы не подхватить заразу. На вопрос Робинсона, что он предлагает со своей стороны, доктор ответил без обиняков.

– Надо с этого корыта бежать, сэр. И чем скорее, тем лучше. Одно могу сказать точно – это не чума. Какая-то разновидность лихорадки. Но нам от этого не легче. Если будем находиться здесь очень долго, то рискуем тоже заразиться.

– Но ведь это какие убытки!!! «Кэтти» утонула, а теперь и этого португальца бросать?!

– Сэр, вы спросили мое мнение, я ответил. Если останемся здесь, то деньги нам могут уже не понадобиться. У меня нет лекарств от этой болезни. А уповать на молитвы, как это зачастую делают паписты, просто глупо. Никому они еще не помогли. Все, что я могу предложить, это всячески отгородиться от черномазых и не спускаться больше в трюм.

– Но это не решение проблемы. Черномазым надо что-то жрать и пить, иначе они загнуты еще быстрее. Да и дохлятину кому-то надо за борт выбрасывать.

– Можно выбрать дюжину из них – тех, что поздоровее, и предложить поработать на уборке дохлятины и на кормежке остальных, пообещав свободу, кормежку – сколько влезет и службу в команде нашего корабля, а не продажу в рабство на плантации. Заболеют – дьявол с ними. Не заболеют – на ваше усмотрение, сэр.

– Хм-м, а что, это выход! Попробуем!

Предложенный доктором метод сработал, «санитаров» из негров набрали без труда. Последствия боя были по возможности устранены, и «Сан-Себастьян» продолжил свое плавание к берегам Нового Света.

Переход с попутным ветром до Барбадоса занял всего четыре дня, но за это время количество «груза» убавилось еще больше. И самое плохое – появились первые признаки заболевания и у команды. Умерших, правда, пока не было, но никто не обольщался по этому поводу. Заболевших разместили в кубрике, и остальные матросы туда не совались, предпочитая проводить все время на палубе. Все мечтали о той благословенной минуте, когда удастся покинуть галеон. И когда на горизонте показался Барбадос, все вздохнули с облегчением.

Точно так же думал и Бенджамин Робинсон, но реальность оказалась гораздо страшнее. По приходе галеона на рейд Бриджтауна портовые власти, прибывшие на борт, моментально сообразили, что «Сан-Себастьян» неблагополучен в карантинном отношении. Уж в чем-чем, а в этом у здешних врачей глаз был наметан. В итоге власти тут же покинули корабль и запретили всем сход на берег, пригрозив, что в случае нарушения правил огонь будет открыт без предупреждения. Что такое чума, лихорадка, оспа и прочие «прелести», здесь знали прекрасно. О случившемся были немедленно извещены военный комендант Бриджтауна и губернатор Барбадоса. Новость распространилась очень быстро. Все корабли, стоящие на рейде, выбрали якоря и отошли подальше от «Сан-Себастьяна». Орудия форта развернулись на зараженный галеон, и канониры дежурили возле них с горящими фитилями. Между кораблями на рейде и «Сан-Себастьяном» встал на якорь военный шлюп «Аметист», готовый взять «Сан-Себастьян» под перекрестный огонь. И только тут до Робинсона и остальных дошло, в какую скверную историю они влипли.

В принципе, на этом могло все и закончиться. Поскольку Робинсон категорически заявил, что никуда уходить не собирается, так как идти ему просто некуда, людей у него очень мало, а запасы вообще почти закончились, то власти Бриджтауна продержали бы на карантине «Сан-Себастьян» до окончательно ясного результата и после этого либо разрешили сойти на берег команде, если тревога оказалась ложной, либо дождались, пока болезнь сделает свое черное дело, и сожгли корабль вместе с трупами на борту. Именно это и предлагали сделать комендант гарнизона полковник Парсонс и карантинный врач мистер Келли, убеждая губер-

натора Барбадоса в целесообразности подобных действий. Оба были практически единодушны в своем мнении с той лишь разницей, что доктор вообще предлагал сжечь галеон сразу, а команду разместить на берегу в карантине и внимательно наблюдать за ней. На ехидный вопрос полковника, а как же гуманная профессия врача уважаемого мистера Келли согласуется с предложением сжечь живьем уцелевших черномазых, доктор злобно зыркнул на своего собеседника.

– Именно благодаря гуманизму моей профессии я и предлагаю это сделать, господин полковник! Благополучие жителей Барбадоса меня волнует гораздо больше, чем благополучие сотни-другой черномазых. А сейчас наша безопасность находится под нешуточной угрозой. И я пойду на все, чтобы не допустить эпидемии, так как слишком хорошо знаю, чем заканчивается «гуманизм» в подобных случаях. Я не предлагаю сжигать черномазых живьем. Перед тем, как покинуть корабль, команда может дать им отравленную пищу, которую мы передадим. Но сжечь корабль и трупы надо обязательно, причем как можно скорее. Это единственный способ уничтожить заразу. Сожжению подлежат также трупы умерших членов команды «Сан-Себастьяна» и все, я подчеркиваю – абсолютно все их вещи. Даже деньги и драгоценности...

Полковник и доктор еще дискутировали какое-то время, оговаривая детали предстоящих карантинных мероприятий, а сэр Уильям, лорд Уиллоуби, думал о своем. Череда событий в Карибском море не давала ему покоя. А грозные и непонятные пришельцы вселяли ужас похлеще, чем зараженный корабль. Сэр Уильям колебался. Он давно ломал голову, как обезопасить Барбадос и найти управу на наглый Тринидад. Но его желания явно не соответствовали его возможностям. И вдруг – такой подходящий случай... А что, если... Лорд Уиллоуби знал об осаде турками Кафы, когда они забрасывали катапультами в город трупы умерших от чумы. А что, если использовать этот старый метод? Только вместо катапульт с чумными трупами направить на Тринидад этот «Сан-Себастьян»? Вспыхнет там эпидемия неизвестной болезни – прекрасно, тринидадским пришельцам будет не до Барбадоса и вообще ни до кого бы то ни было. Нет – сэр Уильям ничего от этого не теряет. Связать галеон португальских работорговцев и губернатора Барбадоса никаким образом нельзя. А команда... Кому она нужна? И сэр Уильям совершил самую большую ошибку в своей жизни. Если бы он заранее узнал о последствиях, к которым она со временем приведет, то приказал бы уничтожить «Сан-Себастьян» немедленно со всеми, кто там находится. Но увы, ему не дано было предвидеть будущее. И придя в хорошее расположение духа от «гениальной», как ему казалось, идеи, он прервал дискуссию полковника и врача.

– Довольно, джентльмены. Я выслушал ваше мнение и в целом с ним согласен. Но у меня есть предложение получше. Из создавшейся ситуации мы сможем извлечь определенную выгоду.

– Но какую, сэр?!

– Ни для кого из вас не секрет, что мы тут живем, как на вулкане, в ожидании нападения тринидадцев и испанцев. Вот я и предлагаю направить этот корабль на Тринидад. Если болезнь начнется у них, то они надолго забудут и о Барбадосе, и о других землях, на которые давно зарятся. А без помощи Тринидада испанцы никогда не решатся на подобную авантюру. Если же тревога окажется безосновательной, а болезнь не такая уж страшная и сойдет на нет, то мы ничего от этого не теряем.

– А если тринидадцы об этом узнают, сэр?

– Как они узнают? Негры им толком ничего не расскажут. Для них все белые одинаковы. Тем более, после путешествия через Атлантику в трюме. В крайнем случае, спишут все на козни португальцев. Естественно, на корабле должен быть поднят португальский флаг.

– А наши приватиры? Ведь они молчать не будут. Если мы насильно заставим их уйти на Тринидад, то они там расскажут это первым же встречным, чтобы спасти свои шкуры.

– А вот об этом я и хотел поговорить, джентльмены. В первую очередь с вами, мистер Парсонс. Как сделать, чтобы наши доблестные приватиры, чтоб им в аду гореть, не только выполнили все в точности, как задумано, но и болтать об этом не стали...

Когда к «Сан-Себастьяну» подошла шлюпка с наветренной стороны и остановилась, не доходя до борта пару десятков ярдов, никто не придавал этому особого значения. Но находящийся в шлюпке офицер велел срочно вызвать капитана. Злой на весь белый свет Бенджамин Робинсон появился на палубе и, выслушав вопрос офицера, он ли является капитаном галеона, ядовито вежливо подтвердил.

– Совершенно верно, мой дорогой! Я – капитан «Сан-Себастьяна» Бенджамин Робинсон. Что вам будет угодно?

– У меня только один вопрос к вам и вашим людям, мистер Робинсон. Вы хотите сойти на берег Барбадоса?

– Если это не утонченное издевательство, то тогда я теряюсь в догадках, мой друг!

– Никакого издеательства, мистер Робинсон. Вам будет позволено сойти на берег после выполнения определенных условий. Сейчас вам передадут письмо, где все указано. Если вы согласны, поднимете белый флаг на мачте. После этого начнете действовать так, как сказано в письме. Если не согласны, то можете стоять на рейде Бриджтауна хоть до второго пришествия. Никто из вас на берег не сойдет. Кто попытается, будет убит на месте. Воды и провизии вы в этом случае тоже не получите. Держите!

Один из гребцов бросил выброску, к концу которой был привязан закрытый деревянный пенал. После этого гребцы налегли на весла и шлюпка быстро понеслась к берегу. Когда пенал подняли на палубу, Робинсон тут же его открыл, извлек бумагу и начал читать. По мере прочтения злоба в нем вскипала все больше, но способность трезво мыслить он не потерял. Вокруг столпились все члены команды и молча ждали. Закончив читать, Робинсон с негодованием смял письмо.

– Плохо дело, джентльмены. И самое плохое, что нам не оставили выбора.

– А что там такое, сэр?

– Эти паркетные шаркуны хотят сделать из нас троянского коня и отправить на Тринидад, чтобы черномазые там заразили всех.

– А мы?!

– Обещают, что нас возьмет на борт шлюп «Аметист», который будет сопровождать нас до Тринидада. Наша задача – подойти ночью к острову и имитировать посадку на мель в каком-нибудь безлюдном месте. После чего сделать так, чтобы черномазые смогли самостоятельно выбраться из трюма и удрать на берег. А самим перед этим сесть в шлюпку и уйти к «Аметисту», который будет ждать нас мористее.

– Ну и слава богу, сэр! Что же в этом плохого?

– Не верю я им. Ни на грош не верю... Ладно, выбора у нас все равно нет. Пойдем к Тринидаду, а по пути будем думать, как выкрутиться...

Для всех, кто наблюдал с набережной Бриджтауна за происходящим, дальнейшее показалось странным. На стоящем особняком от всех «Сан-Себастьяне» взвился белый флаг на грот-мачте, и вскоре возле этого началась суeta. Три большие шлюпки сделали несколько рейсов между кораблем и берегом, причем тем, кто наблюдал через подзорную трубу, сразу стало ясно, что на веслах шлюпок сидят каторжники, а не английские солдаты или матросы Королевского флота. На галеон передавали какие-то тюки и бочки. А когда погрузка закончилась, «Сан-Себастьян» выбрал якорь и начал ставить паруса, направившись в открытое море. Вскоре снялся с якоря военный шлюп «Аметист» и направился следом. Публика, наблюдающая с набережной, облегченно вздохнула. Зараженный корабль уходил прочь, а вместе с ним и опасность. Во всяком случае, все были в этом уверены.

Сэр Уильям тоже наблюдал за уходом «Сан-Себастьяна», но из окна своей резиденции. Когда паруса обоих кораблей удалились более чем на милю, он мысленно вознес хвалу Господу, что все так быстро и хорошо закончилось, и обернулся к стоящему рядом полковнику Парсонсу.

– Вы во всем уверены, мистер Парсонс? «Аметист» не подведет? И не попытаются эти висельники напасть на корабль Ройял Нэви, лишь бы только сбежать со своего плавающего гроба?

– Не подведет, сэр. Лейтенант Фримантл – опытный моряк. И он не допустит абордажа. То, что эти, как вы верно заметили, висельники попытаются при удобном случае захватить «Аметист» и сбежать, я не сомневаюсь. Но Фримантл не даст им такой возможности. Он всегда будет находиться на ветре, а скорость и маневренность «Аметиста» не идут ни в какое сравнение со скоростью и маневренностью этого португальского корыта. Стрелять они тоже не будут, так как «Аметист» нужен им в целостности и сохранности. А поскольку приблизиться «Сан-Себастьяну» не удастся, то и абордаж невозможен.

– А возле Тринидада? Не получится ли так, что Робинсон со своей бандой предпочтет плен у тринидадцев, чем шаткую возможность вернуться? И выложит им все?

– Исключено, сэр. Все хорошо знают отношение тринидадцев к пиратам, и Робинсон в том числе. Для него будет счастьем, если на Тринидаде его сразу же повесят без лишних разговоров. Одно дело, если бы он сам пришел и сдался после разгрома Порт-Ройала и Бастера, рискнув перейти на службу к тринидадцам. Тогда, может быть, его бы и приняли. Но он продолжил свое любимое занятие и переключился с испанских купцов на португальских работорговцев, то есть остался пиратом в глазах тринидадцев. А уж после доставки такого «подарка» он сначала исповедуется палачу во всех грехах. И расскажет не только все, что знал, но и то, что давно забыл. И дай бог, чтобы после такой исповеди он вообще до виселицы. Во всяком случае, я бы на месте тринидадцев поступил именно так. Не думаю, что они поступят по-другому. Поэтому я уверен, что едва «Сан-Себастьян» вылетит на мель, этот сброд тут же спустит шлюпки и сбежит в море, где их будет ждать «Аметист». А «Аметист» их встретит. Несколько выстрелов картечью из пушек – больше и не понадобится.

– Что ж, будем надеяться на это...

Молодой и хорошо одетый человек стоял на набережной Бриджтауна, также с интересом наблюдая за удаляющимися парусами «Сан-Себастьяна» и «Аметиста». Он уже до этого рассмотрел галеон в хорошую оптику, сфотографировал и подробно описал все детали, сообщив их по радио в Форт-Росс на Тринидад. К большому сожалению, аппаратуры и интернета, способных передать фотографию или видеоизображение, таких привычных для него и само собой разумеющихся в XXI веке, здесь не было. Поэтому пришлось ограничиться лишь «словесным портретом». То, что замышляется какая-то пакость, преуспевающий английский купец Джон Стаффорд, известный в определенных кругах как Корнет, не сомневался. Если бы «Сан-Себастьян» захотели просто выдворить из порта, то не стали бы направлять вслед за ним «Аметист» – единственный военный корабль Королевского флота, находящийся в распоряжении губернатора. И тем более не стали бы дополнительно направлять на него с полсотни солдат из гарнизона Бриджтауна. То, что губернатор долго совещался перед этим с военным комендантом и врачом, Корнет уже знал. Подробности разговора выяснить не удалось, но то, что обсуждали именно дальнейшую судьбу «Сан-Себастьяна», в этом он не сомневался... Джон Кроули, бывший юнга с «Си Бёрд», чудом уцелевший при попытке нападения пиратов на «Песец» в Порт-Ройале в прошлом году и выловленный тринидадскими пришельцами из воды, оказался хорошим агентом. Поначалу он внял совету своих спасителей и оставил карьеру пирата, так толком и не начавшуюся. А вместо этого устроился работником в одном из кабаков Порт-Ройала, каких было великое множество. И когда вскоре ему нанес визит человек, с которым он разговаривал на «Песце», Джон несколько не удивился. Предупрежденный о грядущих непри-

яностях, из Порт-Ройала он тоже сумел вовремя унести ноги вместе с хозяином кабака, едва стало известно о возникшей угрозе нападения испанцев. А уж на Барбадосе его, как агента, и вовсе ждала неслыханная удача. Смышлелый и обученный грамоте юноша сумел, хоть и через протекцию нужных людей, поступить на службу в дом губернатора. Сначала, естественно, в качестве «принеси-подай», но лиха беда начало! Вот Джон и сообщил через связного, что его превосходительство явно что-то замышляет. Поэтому информация о «Сан-Себастьяне» и о «танцах с бубнами» вокруг него ушла по радио на Тринидад еще вчера. Ночь прошла спокойно. А на следующее утро началось что-то непонятное, закончившееся уходом «Сан-Себастьяна» и «Аметиста» из порта.

Проводив взглядом удаляющиеся корабли и перекинувшись парой фраз со стоявшими рядом зеваками, купец Джон Стаффорд неторопливой походкой направился домой, прокручивая в уме ситуацию. Слава богу, сейчас уже не надо лично ходить в каждый рейс на «Кагуэ» к Тобаго и обратно. Его компаньон Роберт Сирл прекрасно справляется и сам с морской частью операции по доставке контрабанды, а Джон Стаффорд организует прием товара на Барбадосе, взяв на себя все хлопоты на суше. Поэтому можно практически постоянно находиться на связи с Тринидадом и оперативно реагировать на изменяющуюся обстановку. И это очень хорошо, так как «Кагуэ» сейчас на Барбадосе нет, а находясь на нем, он бы просто не успел сообщить такую важную информацию. Уж очень быстро его светлость сэр Уильям избавился от такой неприятной проблемы. Что там за гадость, пока не понятно. Но хоть у докторов на «Тезее» и находится большой запас разных лекарств из XXI века, рисковать все же не стоит. О приходе «Сан-Себастьяна» в Бриджтаун он уже сообщил. Теперь надо срочно сообщить о его выходе в море...

Когда срочная информация была принята в Форт-Россе дежурным оператором радиоцентра, он тут же передал ее по команде, и вскоре Карпов, недавно покинувший резиденцию Леонида, снова предстал перед ним, потрясая бланком радиограммы.

– Мой каудильо, как говорил один киногоерой, мы находимся на пороге грандиозного шухера! Ваша знаменитая чуйка снова не обманула!

– Не пылите, герр Мюллер, давайте по порядку.

– На, почитай.

Леонид прочитал сообщение и пожал плечами.

– Пока это достоверно говорит лишь о том, что его светлость сдыхал проблему с глаз долой. Куда направляется «Сан-Себастьян» – не известно. Но зная сволочный характер сэра Уильяма, я вполне допускаю, что к нам.

– И что делать будем? Я с нашими эскулапами говорил, так они на дыбы встали. Говорят, что если начнется эпидемия, никакого запаса их химии из будущего не хватит. Ведь расчет делался только на экипаж «Тезея». А то, что они сами намутили вместе с Матильдой, пока еще в стадии испытаний. И что именно там за гадость, они тоже окончательно не уверены без осмотра заболевших, или хотя бы подробного перечня симптомов. Навскидку мне столько всего возможного перечислили, что я удивляюсь, как вообще человечество до сих пор не вымерло как вид. Нельзя этого «Сан-Себастьяна» к нам пускать.

– А я разве что другое говорю? «Сан-Себастьян» и «Аметист» надо перехватить в море и уничтожить обоих. Причем «Сан-Себастьян» обязательно сжечь. Кто его знает, что там такое. Но сделать это надо так, чтобы встреча в море выглядела случайной. Иначе на Барбадосе поймут, что у нас есть дальняя связь и на острове находится наш человек. Нельзя не учитывать возможность утечки информации, даже если мы ликвидируем всех свидетелей.

– А как это сделать? «Песец» и «Аврора» ушли корабль со «штирлицем» провожать. И даже если их сейчас развернуть, то они все равно не успеют.

– «Песец» и «Аврору» беспокоить не будем. Сами справимся...

Никогда еще тринидадский «зверинец» – «Ягуар», «Кугуар» и «Волк» – не готовился к выходу в море с такой поспешностью. Экипаж «Беркута» во главе с Янычаром, поднятый по тревоге, тут же ушел в Якобштадт, быстроходный катер будет ждать корабли на Тобаго. Плохо было то, что командир «Кугуара» Сергей Ефремов ушел на «Песце», так как подготовленных командиров кораблей пока что катастрофически не хватало. А посылать на такое ответственное задание молодого старшего офицера «Песца», доверив ему командование кораблем, Леонид не рискнул. Срочно вызванным командирам «Ягуара» и «Волка» и старшему офицеру «Кугуара» Леонид разъяснил задачу, сделав упор на большую опасность возникшей проблемы.

– Наша задача – перехватить в море и уничтожить оба корабля. Причем галеон работоговцев обязательно сжечь. Не знаю, какая там болезнь. Но то, что мы не готовы к возможной эпидемии чумы, холеры, оспы, лихорадки Эбола, лихорадки Западного Нила и что там есть еще в Африке, в этом я уверен. Надеюсь, рефлексировать по этому поводу и кричать о правах человека никто из вас не будет?

– Не будем, Леонид Петрович. Как я понял, пленных не брать?

– С «Сан-Себастьяна» не брать. Уничтожить всех. С «Аметиста» можем взять, но исключить малейшую возможность побега и неконтролируемого контакта с экипажем. Доставим в Форт-Росс под замком, а дальше – на усмотрение «доктора» Карпова.

– Когда они вышли?

– Около двух часов назад. Идти им больше суток даже с учетом благоприятного ветра. И пойдут они мимо Тобаго, это кратчайший и наиболее удобный путь. Я иду с вами на «Кугуаре», раз он пока без командира. Наша задача – перехватить англичан, не доходя до Тобаго, и уничтожить. «Беркут» будет ждать нас в Якобштадте, на своих тридцати узлах он туда быстро доберется. Встречаемся с ним и дальше действуем совместно, перекрыв наиболее возможно широкую полосу моря. Пойдем под парами, некогда заниматься парусными экзерцисами, поэтому всем взять топливо и котельную воду по максимуму. Каждому также взять на борт минимум по десять бочек хорошей солянки для «Беркута». Возможно, будем его прямо в море бункеровать, побегать ему предстоит изрядно. Вот четыре копии подробного описания «Сан-Себастьяна» и «Аметиста». По одной на «Ягуар» и «Кугуар», и две на «Волк» – ознакомить также экипажи «Крокодила». Действовать нужно наверняка. А то не хотелось бы сначала утопить того, кого не надо, а потом снова ловить того, кого надо, потеряв время...

Три корабля шли самым малым ходом строем фронта, держа друг друга на пределе видимости и прочесывая таким образом широкую полосу моря. В центре шел «Волк», выполняя свои обязанности «вертолетоносца». «Крокодил» практически постоянно был в воздухе, возвращаясь только на дозаправку, и два экипажа беспилотника регулярно меняли друг друга у пульта управления. На флангах шли «Ягуар» и «Кугуар», а впереди, в двух десятках миль, носился по морю «Беркут», обшаривая окружающее пространство своим радаром. Эскадра вышла к северу от Тобаго и раскинула сеть на вероятном пути подхода противника. За время патрулирования встретились пять кораблей – три испанца, француз и португалец, но тех, кого искали, не было. По всем предварительным подсчетам и галеон и шлюп давно должны были подойти в район Тобаго, но прошло уже больше суток с момента их выхода из Бриджтауна, а они до сих пор так и не появились. Хотя погода стояла тихая, ветер благоприятный, и куда они могли деться, оставалось только гадать.

Ситуация не нравилась Леониду все больше и больше. В то, что «Сан-Себастьян» взял круто к югу и сделал крюк более чем в сотню миль, он не верил. Во-первых, паруснику это очень невыгодно в плане ветра, а во-вторых, пираты не пойдут на это в связи с большим увеличением времени перехода. А для них каждый час нахождения на зараженном корабле увеличивает шансы подхватить болезнь. Значит, либо с ними что-то случилось, либо они пошли не к Тринидаду, и его первоначальная версия оказалась ошибочной. Но куда они в таком случае могли пойти? К одному из островов Антильской гряды, раскинувшихся к западу от лежа-

щего особняком Барбадоса? Возможно. Но зачем? Просто хотят там отсидеться, пока не станет окончательно ясно, что ждать от этой болезни? Это не в духе пиратов. Хотят уйти к французам на Мартинику, Сент-Люсию или Гренаду? Их там никто не ждет, и прием будет аналогичный, как и на Барбадосе. Хотят бросить корабль и тайно высадиться на берег, постаравшись скрыть наличие заболевания на борту? Это возможно и даже весьма вероятно. Спрашивается, что делать? Патрулировать дальше или возвращаться, так как обшарить все острова и островки Антильской гряды просто нереально? Хорошо еще, что подходы к Тринидаду сейчас постоянно патрулирует с воздуха «Альбатрос». В качестве разведчика самый первый беспилотный летательный аппарат, созданный пришельцами, зарекомендовал себя прекрасно. Но именно как разведчик. Использовать его в качестве бомбардировщика, как «Крокодил», не пробовали, поскольку нужды в этом не было. И если «Сан-Себастьян» с «Аметистом» все же как-то сумели проскользнуть мимо расставленной ловушки, то обнаружить их «Альбатрос» обнаружит, а вот сделать что-то большее – вряд ли. Придется задействовать морпехов и быстро перебрасывать их к точке предполагаемой высадки, а там устраивать горячую встречу незваных гостей.

Прождав еще сутки и поняв, что дальше ждать бесполезно, Леонид дал приказ «Ягуару» и «Беркуту» возвращаться к Тринидаду и быть готовыми перехватить «Сан-Себастьян», если он все же появится. А сам на «Кугуаре» вместе с «Волком» решил пройти в сторону Барбадоса. Как знать, может, и удастся обнаружить пропажу.

Глава 4. Здравствуй, ИРА!

Когда Барбадос скрылся за горизонтом, Бенджамин Робинсон довольно усмехнулся, разглядывая в подзорную трубу следующий за ними по пятам «Аметист». Рядом стояли остальные пираты и молча ждали, что скажет капитан. Квотермастер Абрахам Хэндс наконец решил нарушить затянувшееся молчание и тактично спросил:

– А что дальше будем делать, сэр? Ведь идти на Тринидад – это все равно что к черту в пасть.

Робинсон злорадно хмыкнул, но подумав, все же ответил:

– Согласен, Абрахам. Более того, я уверен, что брать нас на борт после того, как мы посадим это коры то на мель, никто не собирается. Паркетные шаркуны очень боятся занести на Барбадос заразу. А расстрелять шлюпки из пушек картечью с малой дистанции проще, чем выпить кружку рома. Поэтому к Тринидаду мы не пойдем.

– А куда?!

– К западу от Барбадоса находится остров Сент-Винсент, а к северо-западу – Сент-Люсия. До обоих чуть более восьмидесяти миль. Во всяком случае, это ближайшая от Барбадоса земля. Пока идем прежним курсом, а как стемнеет, поворачиваем на запад. На подходе к острову, мили за две-три, спускаем шлюпки. Это корыто бросаем и поджигаем. Пусть сгорит дотла вместе с заразой, не дай бог она на остров попадет. На шлюпках добираемся до берега, а дальше будем думать, как выкрутиться.

– А как же наши?! Те, что в горячке лежат?!

– Новых заболевших нет?

– Нет. Только те, что в трюм спускались.

– Проявите христианское милосердие. Пристрелите их перед тем, как уходить. А черномазые сами подохнут.

– А на острове что делать будем?

– Сначала надо отсюда ноги унести и заразу на берег не занести. Дальше посмотрим по ситуации.

– А может, лучше «Аметист» на abordаж взять?

– Не получится. Он все время на ветре и явно держит дистанцию. Возможно, он потеряет нас в темноте. А не потеряет – сразу же раскроет свои намерения. И знайте, что отступать нам некуда. Эта королевская лоханка под названием «Аметист» очень быстроходна, уйти от нее мы не сможем. И если только он попытается помешать нам идти туда, куда мы хотим, а не к Тринидаду, то либо мы его, либо он нас...

Остаток дня прошел спокойно. Новых заболевших среди команды не прибавилось, зато из трюма негры-«санитары» выкинули за борт еще шестерых. «Сан-Себастьян» шел не торопясь курсом на Тринидад, неся лишь часть парусов и старательно делая вид, что людей на галеоне катастрофически не хватает. Огни с наступлением темноты зажигать не стали, чтобы проверить реакцию «Аметиста». Через час после захода солнца, убедившись, что «Аметист» не приближается, Робинсон изменил курс на запад в сторону острова Сент-Винсент, приказав поднять все паруса, какие только можно. «Сан-Себастьян» сразу прибавил в скорости хода, но... Маневр не прошел незамеченным. «Аметист» тоже изменил курс и пошел следом, по-прежнему оставаясь на ветре. В отличие от «Сан-Себастьяна» он шел с положенными огнями, благодаря которым его было хорошо видно в темноте. Но никаких враждебных действий против конвоируемого галеона пока не предпринимал.

Лейтенант Майкл Фримантл, командир шлюпа «Аметист», не удивился, когда в его каюту постучал вахтенный матрос и доложил, что «Сан-Себастьян» резко изменил курс и пытается скрыться в темноте. Чего-то подобного он и ожидал, так как не считал Бенджамина Робинсона

идиотом, добровольно согласившимся идти к Тринидаду, как баран на заклание. В этом случае вступал в действие следующий пункт инструкции, полученной в Бриджтауне. Если «Сан-Себастьян» не пойдет туда, куда ему сказано, а попытается удрать, то уничтожить галеон и всех, кто находится у него на борту. Абсолютно всех! Никого не спасать. Причем сам корабль не просто утопить, а по возможности сжечь. Именно для этой цели на борт «Аметиста» были доставлены зажигательные ядра, которые все же сумел найти в закромах форта полковник Парсонс. Доверия к этим «головешкам» у Фримантла не было, так как весь опыт их применения показал довольно низкую эффективность. Но в данном случае они могли оказаться полезными, так как предполагалась стрельба по одиночному и не очень сильному, да к тому же тихоходному и неповоротливому противнику. С минимумом людей на борту и очень проблемным «грузом», который если только вырвется из трюма, создаст огромные неприятности команде. И поскольку капитан Робинсон повел себя вполне предсказуемо (в чем был уверен Фримантл) и пошел не к Тринидаду (в чем был уверен губернатор), а к цепи Антильских островов, то команде «Аметиста» выпадала возможность испытать зажигательные ядра в действии.

Поднявшись на палубу, Фримантл быстро обнаружил «Сан-Себастьян», пытающийся скрыться в темноте. Но в ясную лунную ночь его было видно прекрасно, несмотря на то, что огни он зажигать не стал. «Аметист» как раз заканчивал разворот на новый курс, и вахтенный офицер доложил.

– Пытаются удрать, сэр! Скорее всего, хотят достичь Сент-Винсента.

– Я тоже так думаю. Ну что же, это всего лишь несколько усложнит нашу задачу, не более. Если эти висельники не хотят идти туда, куда им велено, то отправятся на дно...

«Аметист» поднял все паруса и устремился вдогонку за «Сан-Себастьяном», быстро сокращая дистанцию. Робинсон внимательно наблюдал за маневрами преследователя и, когда понял, что скрыться в темноте и уйти не получится, в сердцах выругался и приказал приготовиться к бою. А когда шлюп подошел ближе и его носовые пушки полыхнули огнем, дав залп картечью по рангоуту галеона, расклад стал ясен окончательно. И приходилось играть теми картами, какие сдала Судьба...

«Аметист» попытался застать своего врага врасплох, но это ему не удалось. Ответный залп картечью из кормовых орудий «Сан-Себастьяна», хлестнувший по парусам, заставил лейтенанта Фримантла действовать осмотрительнее и не лезть на рожон. Поскольку стрельба велась ночью и прицелиться толком было сложно, оба корабля вели огонь картечью по рангоуту, стремясь изорвать паруса и такелаж и таким образом сбить ход противнику. «Аметист» пробовал применить зажигательные бомбы, но успеха не добился. Команда «Сан-Себастьяна» была начеку и быстро гасила отдельные очаги возгорания. В итоге бой свелся к тому, что быстроходный и верткий шлюп удерживал позицию за кормой галеона, стараясь бить продольными залпами, а галеон огрызался и всячески пытался достать мелкого и наглого противника своей бортовой артиллерией. Но поскольку огонь велся на большой дистанции и в темноте, особого успеха ни та, ни другая сторона так и не добились. Конечно, повреждения были, но не фатальные и это не мешало обоим кораблям продолжать бой. Все изменилось, когда лейтенант Фримантл, видя, что такая тактика не позволяет выполнить задание и «Сан-Себастьян» все равно уходит, решил подойти ближе. Эффективность стрельбы сразу выросла, но ставка на более высокую скорострельность своих орудий и более высокую скорость, на которую понадеялся командир «Аметиста», себя не оправдала. За четыре часа боя корабли порядочно изуродовали друг друга. Снасти на обоих свисали гроздьями, паруса представляли собой драные лохмотья, но тем не менее «Сан-Себастьян» медленно, но уверенно уходил. И в довершение всего на «Аметисте» открылась течь. «Сан-Себастьян», видя, что противник приблизился, начал стрельбу ядрами и добился успеха, повредив корпус шлюпа. Лейтенант Фримантл понял, что еще час-другой такого боя и «Аметист» полностью лишится хода. А после этого «Сан-Себастьян», корпус которого похоже не пострадал от малокалиберных орудий «Аметиста»,

даже с изорванными парусами и поврежденным такелажем сможет подойти достаточно близко и бортовым залпом превратить шлюп в дрова. И теперь надо срочно решать дилемму – продолжать атаковать, ведя безнадежный бой, который рано или поздно закончится победой «Сан-Себастьяна», или плюнуть на него и уйти, не выполнив задание. Преследовать его пираты вряд ли будут. Но принять решение Майкл Фримантл не успел. Очередной залп картечью с «Сан-Себастьяна» прошел довольно низко и ударил не по парусам, а по палубе квартердека. После этого мичман Дэвид Макензи – единственный из оставшихся в живых офицеров – понял, что теперь он – командир «Аметиста».

О том же самом думал и Бенджамин Робинсон. Несмотря на многочисленные попадания, корпус «Сан-Себастьяна» остался цел, малокалиберные пушки его противника не могли нанести серьезного вреда крупному и прочному галеону. Чего нельзя было сказать о такелаже и парусах, но это в конце концов не смертельно и поправимо. Капитан повеселел и прикидывал, сколько времени еще продержится «Аметист», так как бой на истощение он явно проигрывал. Шлюп, хорошо видимый в лунном свете, имел повреждения рангоута и быллой резвости в его маневрах уже не было. Как знать, возможно, на этом бы все и закончилось. Но как иногда бывает, в дело может вмешаться непредвиденная случайность, которая мгновенно меняет расстановку сил.

Робинсон услышал крики и выстрелы. Сначала он ничего не понял, а когда понял, стало слишком поздно. Впрочем, он бы все равно не смог ничего сделать. Негры каким-то образом сумели вырваться из трюма и напали на команду галеона. Да, они были закованы в цепи и истощены после длительного перехода через океан, но смертельная опасность придала им силы. Их было много. Значительно больше, чем моряков «Сан-Себастьяна». Очень быстро они смяли канониров на батарейной палубе и вырвались наверх. У некоторых в руках было холодное оружие, добытое в бою, остальные были вооружены чем попало. Команда «Сан-Себастьяна» схватилась за сабли и пистолеты, но силы были слишком неравны. Несмотря на большие потери среди негров, численный перевес все же решил исход боя и они захватили галеон. Лишь Робинсон и еще семеро уцелевших матросов продолжали яростно отбиваться на юте, размахивая саблями, стараясь лишь подороже продать свою жизнь.

И им это удалось. Новый командир «Аметиста» сразу понял, что на «Сан-Себастьяне» творится что-то неладное. Противник прекратил огонь из орудий, а вместо этого на нем то и дело гремят выстрелы из стрелкового оружия. Подойдя ближе, Макензи сумел рассмотреть в лунном свете ожесточенное побоище, которое шло на палубе галеона, и сделал верные выводы – «груз» вырвался на свободу и теперь пиратам явно не до «Аметиста». Поэтому провел свой корабль неподалеку от кормы галеона, не опасаясь попасть под обстрел его кормовых орудий, и дал продольный залп картечью, который смел все с юта «Сан-Себастьяна»...

Ситуация складывалась очень благоприятная, и упускать ее было бы неразумно. Мичман Макензи верно предположил, что даже если негры и захватят «Сан-Себастьян», полностью перебив его команду, то управлять кораблем все равно не смогут. Канониры из них тоже никакие. Поэтому «Аметист» лег на параллельный курс, выйдя на траверз галеона, и, совершенно не опасаясь ответного огня, стал бить картечью по палубе. Часть орудий при этом вела огонь зажигательными ядрами, которые в условиях воцарившейся паники среди негров все же делали свое дело. Вскоре «Сан-Себастьян» запылал, и яркое пламя устремилось вверх, разогнав мрак ночи.

Убедившись, что корабль противника горит надежно, и продолжение обстрела больше не требуется, «Аметист» прошел чуть вперед и лег в дрейф. «Сан-Себастьян» к этому времени уже потерял ход, так как огонь быстро распространился вверх и уничтожил паруса. И теперь галеон представлял собой огромный костер на воде, горевший от носа до кормы. Что на нем творилось в этот момент, разглядеть не могли. Яркое пламя давало сильную засветку, и разобрать что-либо было очень трудно. Шлюп лежал в дрейфе на расстоянии около полумили от

горящего галеона, и Макензи ждал, когда огонь доберется до крюйт-камеры. Молодой офицер еще толком не пришел в себя как от напряженного боя, в котором он чудом уцелел, так и от неожиданного повышения в должности. Но он понимал, что судьба «Аметиста» и экипажа теперь целиком ложится на его плечи. И первым делом считал необходимым довести до конца выполнение приказа – не дать «Сан-Себастьяну» и тем, кто на нем находится, попасть куда-либо в другое место, кроме Тринидада. С Тринидадом не получилось. Значит, зараженный корабль подлежит уничтожению. С кораблем, похоже, покончено. А вот с его населением – пока под вопросом. Если кто-то умудрится выжить в этом аду, то тогда придется заняться малопочтенным делом – добить на воде уцелевших. Но для этого надо все равно дожидаться рассвета, в темноте никого не найдешь. Пока же можно заняться ремонтом, так как состояние «Аметиста» явно оставляет желать лучшего... Что и доложил боцман, оторвав Дэвида Макензи от размышлений.

– Прошу прощения, сэр, но течь не прекращается. Заделали, как смогли, но нужен серьезный ремонт.

– Помпы справляются с откачкой?

– Пока да, сэр. Но если погода ухудшится, то вряд ли справимся.

– Делайте, что возможно. Возьмите сколько надо людей в помощь. На палубе все равно пока делать нечего, это португальское корыто уже никуда не денется. Парусами и такелажем займемся позже. Сейчас в первую очередь – ликвидация течи. Понятно?

– Да, сэр!

– Выполняйте!

Боцман убежал выполнять приказ, прихватив почти всех людей с палубы, а Макензи продолжил наблюдение за окружающей обстановкой. Пока их спасало то, что стояла тихая погода. Если она ухудшится, то «Аметист» долго не продержится. И сейчас надо как можно скорее возвращаться на Барбадос. Но сделать это не так-то просто. Помимо течи в корпусе серьезно поврежден рангоут и такелаж. Если с попутным ветром в бакштаг и фордевинд еще кое-как можно идти, то вот заняться лавировкой прямо сейчас не получится. А к Барбадосу придется возвращаться именно путем лавировки, идя в бейдевинд, так как ветер не благоприятный. Либо идти с попутным ветром до Сент-Винсента, там не торопясь делать нормальный ремонт в спокойной обстановке в защищенной от непогоды бухте, а потом уже возвращаться на Барбадос. Такой вариант, откровенно говоря, Макензи не устраивал. Во-первых гораздо дальше, а во-вторых не известно, на что там можно будет нарваться. Но в любом случае, сейчас главная проблема – течь. Потом будем решать все остальное...

Грохот взрыва отвлек мичмана от раздумий. Огонь наконец-то добрался до крюйт-камеры на «Сан-Себастьяне», и галеон взлетел на воздух. Сверкнула вспышка в облаке дыма, и вскоре зарево исчезло. Вода погасила горящие обломки. И снова вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь плеском воды за бортом и скрипом снастей такелажа. Приказ губернатора Барбадоса удалось выполнить лишь наполовину. Теперь следовало позаботиться о собственном спасении.

Остаток ночи прошел без происшествий. Никто больше не появился, на поверхности воды после взрыва «Сан-Себастьяна» никого не обнаружили, и к утру удалось почти полностью прекратить течь. Но боцман все же мрачно заметил, когда докладывал об окончании работ.

– До первого шторма, сэр.

Мичман Макензи и сам это понимал. Команда совершенно вымоталась, но от состояния «Аметиста» зависит их жизнь – это понимали все. Поэтому подгонять никого не приходилось. После завтрака и недолгого отдыха принялись за ремонт рангоута, такелажа и парусов. Провозились целый день, но так и не закончили. Из-за больших потерь в команде выполнять сложные виды такелажных работ могли немногие, а от присланных в помощь солдат особого толку не было, хоть они и старались помочь. Видя, что люди просто падают от усталости, Макензи

решил сделать перерыв до утра, оставаясь в дрейфе. Тем более, погода по-прежнему стояла тихая, и никакая опасность «Аметисту» не угрожала.

Вторая ночь также не преподнесла сюрпризов. Наутро отдохнувшая команда споро приступила к работе. Все шло к тому, что вскоре «Аметист» сможет поднять паруса и направиться к Барбадосу. Макензи ходил по палубе и наблюдал за ремонтом, как вдруг неожиданно раздался крик вахтенного.

– Дым слева по корме!!!

Все посмотрели в указанном направлении, и действительно увидели полоску дыма на горизонте. Поскольку никакой земли до самого Тобаго там не могло быть, а это почти сотня миль, то напрашивался вывод, что горит какой-то корабль. Идти на помощь «Аметист» пока что все равно не мог, поэтому все продолжили работу, изредка поглядывая на горизонт. И очень скоро поняли, что пожар тут не при чем. В направлении «Аметиста» шли два корабля. Причем у обоих не было парусов на мачтах. И шли они фактически против ветра, причем очень быстро, оставляя за собой шлейф дыма. Слух резанул чей-то крик.

– Тринидадцы!!!

Хоть флагов еще и не было видно, но все прекрасно знали, кто здесь может ходить без парусов и против ветра. Макензи с тоской подумал, что вот и заканчивается его неожиданное командирство. Хотя он раньше никогда не видел тринидадских кораблей, но знал их описание и был уверен, что именно эта парочка была среди тех, кто устроил погром в Порт-Ройале в мае этого года. «Аметист» не смог бы противостоять даже одному из них, будучи исправным. Сейчас же он вообще не боец. Значит, осталось только умереть, но не посрамить чести британского флага... И мичман Макензи принял решение...

– К бою!!! Приготовить крьюйт-камеру к взрыву! Последний, кто останется в живых, должен взорвать корабль! Если нас не утопят раньше...

Все пришло в движение, канониры заняли места у орудий. Поставили паруса, какие было возможно, держа курс по ветру. Пытаться уйти в сторону Барбадоса было бессмысленно, тринидадские корабли приближались очень быстро.

Никто не строил иллюзий в отношении результата предстоящего боя. Но Макензи решил тянуть до последнего с открытием огня. Как знать, может и обойдется. Ведь после взятия Ямайки тринидадцы не предпринимали никаких враждебных акций против англичан, хотя могли. На тот же Барбадос, который к ним гораздо ближе, чем Ямайка, давно могли бы навеститься и прибрать его к рукам. Но почему-то не хотят. На другие английские владения в Новом Свете, кроме Ямайки, они тоже ни разу не покушались, как не трогали и английские торговые корабли при встрече в море. Может быть, и сейчас обойдется? Если бы не этот чертов «Сан-Себастьян» с дурацким приказом губернатора... Неужели тринидадцы пронюхали об этом? И специально послали свои корабли на перехват? Но как они могли узнать так быстро?! И как обнаружили «Аметист»?! А то, что именно обнаружили, а не случайно встретили, Дэвид в этом не сомневался.

Поняв, что гадать бессмысленно, так как ответа все равно не найдет, Макензи сосредоточился на наблюдении за приближающимися кораблями. То, что там прекрасно видят канониров у орудий, готовых к стрельбе, он понимал, но тут уже ничего сделать нельзя. На тринидадских же кораблях ничто не напоминало о подготовке к бою. Дэвид уже рассмотрел в подозрную трубу тринидадские флаги на мачтах – белое поле с косым синим крестом, а также определил типы приближающихся кораблей – фрегат и купеческий флейт, на котором почему-то отсутствовала бизань-мачта. Но корабль в ней и не нуждался, так как и фрегат и флейт неслись с большой скоростью, рассекая форштевнями волны, не имея на мачтах ни малейшего клочка парусов. Когда они чуть изменили курс, удалось рассмотреть, что орудийные порты в борту фрегата, шедшего головным, закрыты. И воевать он явно не собирается. И Дэвид решил рискнуть.

– Огня первыми не открывать. Ждать моей команды. Канонирам отойти от орудий.

– Но как так, сэр?!

– Наши ядра для фрегата – что слону дробина. А с ним еще и «купец» – темная лошадка. Думаю, они оба из тех, кто сначала расправился с эскадрой адмирала Холмса, а потом вволю порезвился в Порт-Ройале. По рангоуту стрелять бесполезно, так как они все равно идут без парусов. Один их бортовой залп, и мы идем ко дну. Но тринидадцы, похоже, не собираются воевать. Вот и мы не будем сами лезть на рожон...

Между тем, двухмачтовый флейт остался в стороне, а фрегат пошел на сближение, догоняя «Аметист» и стараясь занять позицию по кормовой скуле. Макензи ничего не понимал. Тринидадцы решили взять его на абордаж? А зачем? Какую ценность может представлять небольшой военный шлюп, причем находящийся в плачевном состоянии и на котором априори не может быть ничего ценного? Если тринидадцам нужны пленные, чтобы узнать подробности эпопеи с «Сан-Себастьяном», так они могут совершенно не напрягаясь утопить «Аметист» и выловить пленных из воды, не подвергая никакому риску ни своих людей, ни корабль. Но еще больше Дэвид удивился, когда увидел на баке фрегата человека, размахивающего белым флагом и показывающего рупор, давая понять, что хочет поговорить.

Мичман прошел на ют и тоже несколько раз махнул белым платком. Фрегат резко увеличил ход и стал сокращать расстояние, пока не занял позицию в паре десятков ярдов чуть справа от кормы шлюпа, и тут же уменьшил ход, выдерживая постоянную дистанцию. Как это у него получалось, ни Макензи, ни кто-либо другой из команды «Аметиста» понять не могли. Все со страхом и любопытством смотрели на удивительный корабль, идущий без парусов, и на группу людей в необычной зелено-пятнистой одежде на его палубе, которые в свою очередь также с интересом рассматривали англичан. Пока один человек не поднял рупор и не прокричал по-английски:

– Доброе утро! «Аметист», что у вас случилось? Вам нужна помощь?

Макензи в первые мгновения лишился дара речи. И это – те самые страшные тринидадцы, нагнавшие ужас на всех в Новом Свете?! Да и не только в Новом... Но отвечать-то что-то надо...

– Доброе утро! Мы вступили в бой с пиратами и утопили их, но и сами получили кое-какие повреждения. Спасибо, помощь нам не нужна.

– С пиратами?! Откуда они взялись?! Ведь мы вымели этих мерзавцев из Карибского моря!

– Увы, не всех. Кое-что осталось.

– Вы капитан?

– Капитан погиб, я его замещаю. Кстати, с кем имею честь?

– Старший офицер фрегата «Кугуар» флота Русской Америки, лейтенант Новицкий. А вы?

– Мичман Королевского флота Макензи.

– Мистер Макензи, ваш корабль сильно поврежден и, если погода испортится, то вряд ли останется на плаву. Мы все равно идем в Бриджтаун на Барбадос. Можем отбуксировать вас туда. Сами в таком состоянии, да еще при встречном ветре, вы будете добираться долго.

– Вы... На Барбадос?!

– Да, хотим установить с вами торговые отношения. Сколько времени рядом живем, а в гостях друг у друга до сих пор не были. Вот мы и решили нанести вам визит!

Это слышал не только Макензи, но и все, находящиеся на палубе. Если бы сейчас из морских глубин вынырнул знаменитый кракен, или дюжина русалок, или небо упало на землю, команда «Аметиста» удивилась бы гораздо меньше. Но Макензи раздумывал недолго и решил не обострять ситуацию, раз тринидадцы настроены миролюбиво. А если они могут отбукси-

ровать «Аметист» на рейд Бриджтауна, то отказываться просто глупо. Тем более, ухудшение погоды шлюп действительно может не пережить.

– Я согласен, мистер Новицкий! Что нам надо делать?

– Уберите паруса и ложитесь в дрейф. Мы подойдем к вашему носу и передадим буксирный трос. Соедините его со своим якорным канатом, не отсоединяя якоря. Потравите ярдов пятьдесят – шестьдесят якорного каната и как следует закрепите его. Остальное сделаем мы.

– Соединить с якорным канатом и оставить якорь?! Зачем?!

– Долго объяснять. Начнем буксировку – сами поймете...

Макензи дал команду убрать паруса и лечь в дрейф, что началось выполняться с большим энтузиазмом. Страшные тринидадцы не хотят воевать с ними, а наоборот предлагают помощь, и надо быть полным идиотом, чтобы отказаться. Вскоре «Аметист» остановился и закачался на небольшой волне, развернувшись бортом к ветру. Все собрались на палубе и с огромным интересом смотрели, что же будет дальше.

Дальнейшее повергло в шок даже бывалых моряков. Фрегат «Кугуар», маневрируя с необычайной легкостью и точностью, подошел почти вплотную своей кормой к носу «Аметиста». Так, что можно было спокойно подать выброску. На борт шлюпа передали довольно толстый пеньковый трос, который соединили с якорным канатом. А дальше началось самое удивительное. «Кугуар», получив сигнал о готовности, медленно начал двигаться, причем вода под кормой у него сильно бурлила. Вытавив около двух сотен ярдов троса, начал буксировку. Вся команда «Аметиста» завороченно смотрела на удивительное зрелище. Их корабль шел против ветра, разгоняясь все быстрее и быстрее. Бросили лаг, чтобы определить скорость. Результат получился просто шокирующий. Семь узлов!!! Против ветра!!! Сразу стала понятна и задумка с якорем, оставшимся висеть на якорном канате. Тяжелый якорь заглублял трос и все время держал его под натяжением, работая своеобразным амортизатором и не допуская рывков на волне. Мичман Дэвид Макензи, волею судьбы ставший командиром «Аметиста» в ходе боя, стоял на баке и молча смотрел на корму идущего впереди «Кугуара». И благодарил Бога за то, что тот помог предотвратить чудовищную глупость начальства, которая могла привести к катастрофическим последствиям...

– Вроде клюнули?

– Похоже... Во всяком случае, теперь ни одна сволочь не заподозрит, что мы все знаем. А по приходе на Барбадос устроим еще один фокус. Если получится, то тогда самые упертые поверят, что мы очень хотели быть белыми и пушистыми. А дурак губернатор все испортил. И господа наглы окажутся в дерьме по самые уши.

– А если не получится?

– Будем что-то другое придумывать. В любом случае, такие соседи нам не нужны...

Леонид стоял на юте «Кугуара» вместе с Тунгусом и поглядывал на «Аметист», делясь впечатлениями от увиденного. Ситуация прояснилась вскоре после того, как «Ягуар» и «Беркут» ушли обратно к Тринидаду. Карпов вышел на связь вне расписания и сообщил о получении срочной информации от Корнета. Удалось выяснить цель операции англичан – «Сан-Себастьян» должен ночью сесть на мель возле Тринидада, после чего пираты его покидают и делают так, чтобы негры сумели выбраться из трюма и сбежать на берег. «Аметист» ликвидирует пиратов и быстро уходит, пока его не обнаружили. В принципе, вполне ожидаемо. Что-то подобное они и предполагали. Но очевидно, все сразу пошло не так, как запланировали англичане. Скорее всего потому, что капитан «Сан-Себастьяна» догадался о том, какая участь им уготована. И выполнять роль жертвенного барана не захотел. Но что случилось конкретно, пока можно было только догадываться. «Кугуар» и «Волк» разошлись в стороны и, держа друг друга на пределе визуальной видимости, направились к Барбадосу. «Крокодил» вел авиаразведку, просматривая впереди большие участки моря, и ночью обнаружил небольшой двухмач-

товый парусник с поврежденным рангоутом, лежавший в дрейфе и по описанию похожий на «Аметист». Решили подождать до утра, оставаясь за горизонтом, а потом осмотреть поверхность моря при дневном свете. С рассветом картина событий немного прояснилась. Вылетевший на разведку «Крокодил» обнаружил деревянные обломки, разнесенные на большой площади. Проследовав в указанный район, «Кугуар» и «Волк» действительно обнаружили следы кораблекрушения. Причем среди обломков удалось обнаружить даже большую часть мачты с явными признаками пожара. Если предположить, что «Сан-Себастьян» попытался удраить, а «Аметист» ему помешал, навязав бой, который привел к пожару и взрыву крюйт-камеры, то все сходилось. То, что взрыв все же произошел, было ясно по крупным обгоревшим кускам корпуса и рангоута. Без взрыва деревянный корабль сгорит дотла, и от него на поверхности моря мало что останется. И поскольку «Аметист» из этой парочки остался один на довольно большом пространстве вокруг, причем в сильно потрепанном виде, то картину событий можно было предположить с большой степенью достоверности. Иными словами, «Аметист» сделал их работу, за что ему большое спасибо. Поэтому теперь надо предстать в роли миротворцев и оказать помощь кораблю Королевского флота, вступившему в бой с пиратами и победившему, хотя и дорогой ценой. Что и было сделано, к немалому удивлению англичан. В ходе переговоров Леонид помалкивал, предоставив слово старшему офицеру фрегата, но внимательно наблюдал за происходящим. Поведение мичмана Макензи, вынужденного заменить убитого в бою командира, было достойно всяких похвал. Он не стал обострять ситуацию, так как видел абсолютную безнадежность боя с такими противниками, но и сдаваться явно не собирался. А в разговоре врать не стал, но и всей правды не сказал. И если бы они действительно ничего не знали о планах губернатора Барбадоса, а случайно встретили «Аметисит» в море, то вполне могли бы поверить. Ай да мичман Макензи, ай да сукин сын! Молодец парень, далеко пойдет! Если уцелеет...

За весь день перехода ничего не произошло. Океан был пустынен, и корабли беспрепятственно шли к Барбадосу. Как только стемнело, «Кугуар» сбросил ход, чтобы подойти к Бриджтауну в светлое время суток. Благо, погода пока позволяла. А если ветер начнет усиливаться, то оставшееся расстояние до берега корабли пройдут быстро и окажутся под его прикрытием. «Волк» же, наоборот, дал полный ход и ушел вперед, не став зажигать огни. Леонид хотел провести подробную авиаразведку всего Барбадоса, раз уж вышла такая оказия, и не хотел, чтобы это видели на «Аметисте». Не гонять же было сюда раньше «Волк» только лишь ради авиаразведки. Зато теперь, когда его светлость повел себя неадекватно, то навести порядок в этом медвежьем углу Нового Света необходимо. А то кто его знает, что ему в следующий раз в голову взбредет. Безнаказанность развращает. Вот и надо объяснить его светлости, что он не прав. На понятном ему языке. И аэровideosъемка острова для этого будет весьма кстати, причем проводить ее лучше ночью. Аппаратуре XXI века ночь не помеха, а англичане ничего не заметят.

«Волк» с погашенными огнями подошел к Барбадосу, и вскоре «Крокодил» взмыл в воздух, помчавшись в сторону Бриджтауна. Начать решили с него – самого крупного города Барбадоса и фактически единственного нормального порта на острове. Бомб у «Крокодила» не было, в этот полет он взял на внешнюю подвеску «Аргус» – прибор для ночной разведки, прекрасно зарекомендовавший себя во время операции в Порт-Ройале. Поскольку Леонид остался на «Кугуаре», непосредственно наблюдать трансляцию с борта беспилотника он не мог, и приходилось довольствоваться лишь информацией, передаваемой по УКВ-связи с борта «Волка». Ничего настораживающего в поведении англичан обнаружено не было. Захолустный колониальный город, где никто никуда не торопится и служба гарнизона несется соответственно. Во всяком случае, кроме часовых больше никого на стенах и на территории форта обнаружить не удалось. Но рейд был полон кораблей, так как с потерей Ямайки весь грузопоток в Карибском море пошел у англичан через Барбадос. И в отличие от форта, в самом Бриджтауне кипела

ночная жизнь. Остальная часть острова была погружена во тьму с редкими огоньками костров. Но то, что хотел узнать Леонид, «Крокодил» разведал. Теперь осталось лишь умело разыграть барбадосскую карту...

Утро следующего дня преподнесло экипажу «Аметиста» новые сюрпризы. «Кугуар» с рассветом оказался недалеко от Бриджтауна и продолжал следовать малым ходом. До берега было порядка пяти миль, и их уже должны были обнаружить и опознать. А дальше стало твориться что-то непонятное. «Волк», который после проведения разведки вернулся обратно, подошел к «Кугуару» и на него передали буксирный трос с «Аметистом», и он, не торопясь, продолжил буксировку. «Кугуар» же увеличил ход и пошел на рейд Бриджтауна...

Леонид внимательно наблюдал за окружающей обстановкой и особенно за фортом Бриджтауна, с которого, несомненно, уже обнаружили приближение тринидадских кораблей. И сейчас там тихая паника. А может быть, и не тихая. Но в любом случае, отреагировать англичане как-то должны. Приготовить орудия к бою и поднять всех по тревоге. Что увидели дозорные из форта, когда рассвело? Как говорится, картина маслом! Появились два тринидадских корабля, явно направляющиеся к Бриджтауну, причем один из них буксирует поврежденный шлюп «Аметист», который был послан для совершения диверсии к Тринидаду. А то, что «Аметист» опознают, сомневаться не приходится. После этого один из тринидадских кораблей – по виду «купец», продолжает буксировку «Аметиста», а второй – фрегат, срывается с места и на огромной скорости против ветра идет к Бриджтауну. Прямо в сторону рейда, полного английских кораблей. И какой, спрашивается, вывод должны сделать те, кто послал «Аметист» и «Сан-Себастьян» на выполнение этого щекотливого дела?

Затея провалилась. Скорее всего, «Сан-Себастьян» уничтожен, а «Аметист» захвачен противником. И поскольку произошло это не так далеко от Барбадоса, то ушлые тринидадцы решили не откладывать дело в долгий ящик и нанести ответный визит, ведя на буксире свой трофей, так как девать его некуда, а бросить жалко. Оставили «купца» буксировать «Аметист», а фрегат отправился на разборки. Вот так примерно его светлость губернатор со товарищи и подумают.

Но тут, как говорится, возможны варианты. Если у англичан хватит ума и выдержки не открывать огонь до полного прояснения обстановки, то шанс замять инцидент у них есть. Во всяком случае, они будут так считать. Ведь можно сказать, что велели «Аметисту» отконвоировать «Сан-Себастьян» к какому-нибудь небольшому островку, не заселенному европейцами, чтобы он остался там на карантин. А все, что произошло позже, – самостоятельность капитанов «Сан-Себастьяна» и «Аметиста», к которой губернатор Барбадоса не имеет никакого отношения. И наговорить они могут, что угодно, лишь бы выкрутиться. Не говорить же англичанам, что в эти сказки он не верит, поскольку располагает достоверной информацией о запланированной диверсии. И тогда придется действовать более тонко и хитро, чтобы соблюсти видимость приличий. Зато, если джентльмены сделают хоть один боевой выстрел...

На всякий случай, лишние члены экипажа убраны с палубы. Пожарные и водоотливные средства готовы. На стоящих на рейде английских кораблях поднимается суматоха, в бинокль это хорошо видно. На стенах форта орудия готовы к стрельбе, законыры заняли свои места. Похоже, никто не сомневается, что тринидадцы пришли вернуть долги.

До рейда остается совсем немного, около полутора миль. На английских «купцах» царит паника. Спускаются шлюпки, и команды удирают на берег. Но «Кугуар» их игнорирует и продолжает приближаться, уменьшив ход до самого малого. И тут у англичан не выдерживают нервы. Гремят выстрелы, окутывая дымом стены форта. Но расстояние велико для прицельной стрельбы, ядра падают в воду, хотя некоторые довольно близко. Однако все это уже неважно. «Кугуар» перекладывает руль на борт и начинает разворачиваться, ложась на обратный курс и давая полный ход. Обе машины работают на максимальных оборотах. Дым из труб стелется по ветру, и фрегат несется весь в пене, стараясь выжать сверхпроектный тринадцатый узел

в дополнение к тем двенадцати, что он показал на ходовых испытаниях. Когда пушки форта были готовы ко второму залпу, стрельба стала бессмысленной. Цель успела уйти очень далеко. Причем фрегат тринидадцев так и не сделал ни одного выстрела...

Леонид смотрел на удаляющийся за кормой Бриджтаун и улыбался с видом кота, поймавшего мышь и решившего поиграть с ней. Господа англичане оказались вполне предсказуемы в своих действиях. И теперь не надо думать, как соблюсти видимость приличий.

– Вот и все, господа! Англичане сами помогли нам. И теперь мы с полным правом можем сказать: «Здравствуй, ИРА!»

– Ира?! Какая Ира, Леонид Петрович?! – не поняли стоявшие рядом старший офицер и Тунгус.

– Не Ира, а ИРА. Ирландская Республиканская Армия. Теперь я знаю, что поможет нам решить проблему с Англией вообще и с Барбадосом в частности...

Но надо было завершить начатое, чтобы губернатор Барбадоса получше осознал, какую глупость он совершил. «Волк» с «Аметистом», видя такой «горячий» прием, прекратили приближаться к берегу и удерживались на безопасной дистанции. «Кугуар» подошел довольно близко к «Аметисту», чтобы можно было поговорить, и уравнил скорость. Вся команда английского шлюпа уже высыпала на палубу и крыла на чем свет стоит канониров форта. Заметив среди остальных мичмана Макензи, который тоже выражал свое недовольство, Леонид обратился к нему:

– Мистер Макензи, к сожалению, мы не можем отбуксировать «Аметист» прямо на рейд Бриджтауна. Ваши соотечественники не рады нашему визиту. Тут осталось не более четырех миль, доберетесь как-нибудь сами. А по приходе в порт передайте губернатору Барбадоса, что он идиот. Мы пришли с миром, но если он хочет войны, то он ее получит.

Не став слушать никаких объяснений, Леонид отвернулся и дал команду увеличить ход до полного. «Кугуар» отвалил в сторону, а «Волк», не став связываться с отдачей буксирного троса, просто обрубил его и последовал в кильватер за «Кугуаром». Оба корабля быстро удалялись, а мичман Макензи с тоской смотрел им вслед. Он прекрасно понимал – война объявлена. И шансов победить в этой войне у жителей Барбадоса нет. Англия далеко, и пока туда дойдет информация о случившемся, над Барбадосом уже давно будет развеяться тринидадский флаг...

«Кугуар» и «Волк» демонстративно ушли на юго-запад, в сторону Тринидада, и продолжали идти до тех пор, пока Барбадос не скрылся за горизонтом. Но удалившись на достаточное расстояние, легли в дрейф. Леонид не отказался от намерений нанести визит англичанам. Вскоре на связь по радио вышел Корнет и сообщил последние новости. «Аметист» добрался до рейда Бриджтауна и встал на якорь, что всех очень удивило. А когда его экипаж сошел на берег и рассказал, что случилось, то привел обывателей в ужас. Новостей из губернаторской резиденции пока нет, но скоро должны появиться. Пока ясно только одно – население города считает губернатора конченным идиотом, который собственными стараниями нажил могущественного врага.

Едва стемнело, корабли дали ход и, не зажигая огней, снова пошли к Барбадосу. В этот раз к Бриджтауну близко подходить не стали, а рассмотрев его издали, взяли круче к северу. «Крокодил» вылетел на разведку и внимательно осмотрел место предполагаемой высадки. Убедившись, что место совершенно безлюдное, корабли подошли к острову и встали на якорь. Сразу же на воду спустили шлюпки, и группа «летучих мышей» во главе с Тунгусом, уже имеющая опыт боевых операций на Ямайке, отправилась на берег. «Крокодил» после дозаправки снова поднялся в воздух и вел непрерывную разведку по маршруту движения группы. Но все было спокойно, Барбадос спал. Сюда еще не дошли сведения о том, что случилось на рейде Бриджтауна. Поэтому английские плантаторы пребывают в счастливом неведении. Но вот и ближайшая цель – роскошно отделанный дом одного из местных «справных хозяев», дворо-

вые постройки, а чуть дальше – бараки для рабов и плантации сахарного тростника. Вокруг царит безмятежность и тишина, нарушаемая только звуками тропического леса, находящегося неподалеку. Бараки заперты, и снаружи у костра клюют носом всего двое охранников. Несерьезное препятствие для «летучих мышей». Собака рядом тоже дремлет. Но вот в собаку вонзается стрела из лука, вызывая предсмертный скулеж, а к охранникам метнулись тени из темноты. И снова тишина вокруг. Замок на двери – тоже несерьезное препятствие. Еще несколько мгновений, и дверь распахивается, открыв взору вошедших одно из самых мерзких «достижений» «цивилизованной» Англии – белых рабов-ирландцев. Разбуженные ярким светом электрического фонаря, люди вскочили и поначалу ничего не могли понять. К сожалению, ирландского языка среди тринидадского спецназа не знал никто. Тунгус вышел вперед и обратился на английском.

– Господа, мы пришли освободить вас, но прошу не шуметь. Я не знаю ирландского языка. Говорит ли кто-нибудь из вас по-испански, по-английски, по-французски или по-немецки?

– Любой ирландец должен знать язык своих врагов! – донеслось на английском из толпы.

– Хорошо. Сейчас с вас снимут цепи и прошу следовать за нами. Но обязательно соблюдайте тишину, чтобы не переполошить всех в округе.

– Но кто вы, сэр?!

– Враги Англии. Пока этого для вас достаточно... Когда «летучие мыши» вернулись на борт вместе с ошалевшими от неожиданного поворота в своей судьбе ирландцами, Леонид отдал приказ сниматься с якоря и уходить обратно в Форт-Росс. Здесь больше было делать нечего. Пока перевозили ирландцев на борт, Тунгус докладывал подробности рейда по тылам противника.

– ...в общей сложности привели с собой около трех сотен, точно считать было некогда. Взяли всех, кто был. Негров нет, одни ирландцы. Процентов тридцать – доходяги, еле ноги передвигают. Но англичан все люто ненавидят. Хотели сразу хату плантатора спалить и всех вырезать, насилие удержали. Так что идея с ИРА, Леонид Петрович, похоже обречена на успех. Так что, оприходуем Барбадос?

– Обязательно. На острове много ирландцев. И пока информация о случившемся дойдет до Англии, сюда придет еще не один английский корабль с ирландскими рабами. И все попадут прямо к нам в руки. Пусть удастся хотя бы из половины этого количества сделать нормальных бойцов. Но это – несколько тысяч. И высаженные на территорию Ирландии, да еще с нашей поддержкой, они устроят англичанам такой сабантуй, что им точно будет не до нас. А там и Шотландия на очереди. Как говорили джентльмены? Разделяй и властвуй? Вот и воспользуемся их политикой. И если нам все удастся, то не будет больше Юнайтед Кингдом – Соединенного Королевства. А будет зачуханная Англия, на которую с севера точит зубы Шотландия, с запада Ирландия, а прямо под боком – недовольный Уэльс. И это не считая Франции, Испании и Голландии по ту сторону Ла-Манша, которым такая ситуация – бальзам на душу. Вот тогда и посмотрим, как английские джентльмены попытаются снова навязывать свои правила всему миру, как они привыкли это делать у нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.